

26.89(2Рос-4Кем)

Е 60

Геннадий Емельянов

**МОЙ
ГОРОД**

1287631

ЦБС им. Н.В. Гоголя
Отдел краеведения

ВЫИ БИЛЕТ №

16614

«ПРЕСС-ДОМБАРД»

Я знаю —
        город
                будет,
я знаю —
        саду
                цветь,
ногда
        такие люди
в стране
        в советской
                        есть!

Владимир Маяковский

Геннадий Емельянов

МОЙ
ПРОРОК

СЛОВО О НОВОКУЗНЕЦКЕ

КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

26 85 731-434
ББК 63.3(2Р53)

Е 60

Фотографии А. Кузирниа, Е. Ильвеса

Художник В. П. Кравчук

0505040000—51

Е _____ 86

М 145(03) — 86

Камаровское книжное издательство, 1986.

Ты каждый день идешь знакомой улицей Новокузнецка и мало думаешь о том, зачем живешь и интересна ли твоя жизнь. Ты торопишься. В такие минуты город окружает тебя молча, он отодвигается далеко, и все же присутствует рядом, он есть как нечто, данное изначально, как воздух, которым дышишь, как солнце, которое греет, как небо над головой. Но однажды в тихий и рассеянный час город позовет тебя ненавязчиво, он скажет: «Годы катятся, друг. Я молодею, ты стареешь. Мой век, — скажет город, — не равняй со своим, я ведь вечен, ты — мой творец — смертен». И ты вдруг увидишь скамейку, где целовался, когда был молод и дерзок, увидишь улицу, заросшую тополями. По этой улице ты провожал на кладбище лучшего друга. Увидишь дом, где игралась небогатая твоя свадьба. У тебя не хватит смелости постучать в дверь чужой теперь квартиры и попросить хозяев: «Разрешите, я вот тут посижу немного. Здесь сидел мой отец, и его уже нет, но он вернулся сюда с войны». Не переступишь ты чужой

порог, потому что в прошлое не возвращаются.

Город знает о тебе все, ты о нем все знать не можешь, потому что он неизмерим, как океан. Но он достоин твоей любви и преданности, потому что он — неотделимая часть твоей судьбы, моей судьбы, нашей судьбы. Здесь все начиналось, на этой земле испытана удача и недоля, здесь бьется большое рабочее сердце Сибири, и пульс Новокузнецка слышит страна.

Сегодня город позвал меня в прошлое.

...Помню себя мальчишкой. Нам выпало военное детство. Голодное, холодное, но все равно — детство. Сейчас вот и не пойму, почему мы любили сидеть ватагой на Водную станцию, теперь, кажется, окончательно заброшенную, купаться. Вода была и поближе. Но станция на берегу Кондомы манила нас неотвязно, наверно, потому, что поездка туда была связана с немалыми приключениями. Трамвай на остановке (возле теперешнего «Детского мира», на Пионерском бульваре) брались штурмом. Сколь-

ко народу забирал облупленный трамвай, сосчитать невозможно. Удивительно, как выдерживало железо такую тяжесть. Ехали на «колбасе», на балке, за которую цеплялись вагоны. У нынешних трамваев «колбасы» такой уже нет. Ехали на крыше. Ехали на решетках, что огораживали колеса. Тем, кто чудным образом стоял на решетках, держась за рамы открытых окон, выпадала самая рискованная доля — столбы, деревянные, кстати, были поставлены почему-то близко от путей и шоркали по спинам. Стоило лишь малость зазеваться — и ты рисковал быть сшибленным наземь. На Водную вела однопутка, среди пустырей на берегу Томи иногда часами дожидались встречного трамвая. Особенно томительные задержки выпадали тогда, когда по единственному узкому мосту у Топольников шли эшелоны с углем. Зато на Водной было раздолье. Веснами здесь пронзительно и пряно пахло черемухой, речным илом и запустением. У причалов качались полузатонувшие лодки, подернутые зеленой плесенью, в пустых лет-

них павильонах, где раньше, до войны, торговали газировкой, пивом и сладостями, с плачущим скрипом качались на ветру двери без замков. Аллеи и тропки позарастила дурнотравьем, а поляны были засажены картошкой. Потрескалась краска на вывесках: «Комната смеха», «Тир» и «Разные аттракционы». «Чертовое колесо» застыло таинственно и жутковато, как машина пришельцев из космоса, потерпевших в наших пределах беду.

На Водной я давно не был и не знаю, как она сейчас ныглядит. А тогда мне казалось: вот однажды объявят по радио, что войне конец, и на другой же день поутру все здесь заблестит, заиграет свежей краской, павильоны откроются и красноносые клоуны станут зычно призывать честной народ зайти и, наконец, повеселиться досыта. Мне казалось, что празднику не будет конца. Но война шла, длинная, тягостная война, взрослое горе ложилось на нас, мы жили в тени грозовой тучи, и туча стояла, будто прибитая к небу. И все-таки это было

детство, протекающее в гуще самых значительных событий. Мы, пацаны, едва ли не первыми в городе узнали, что фашист дрогнул, качнулся и повернул свои кованые сапоги в сторону фатерланда: ведь на свалку КМК за старым зданием Сибирского металлургического института начала поступать эшелонами битая техника — танки с крестами, мятые пушки, зенитные пулеметы и прочее разнообразнейшее военное имущество. На площади перед заводом долго лежал немецкий самолет, сбитый где-то над полем боя. Лежал он на одном крыле и смахивал на огромную застреленную ворону. Самолет ездили смотреть семьями, привозили детей. Сейчас так ходят, празднично одетые, смотреть зверей в передвижной цирк. Город торжествовал. Торжество это было негромкое, но такое нужное в лихой и тревожный час!

Свалка за институтом была неохватна. И чего там только не было...

В городе появились странные грузовики — высокие, голенастые, с кузовами из

свежеоструганных досок. Картошку возили на тракторе с трубой, похожей по форме на стекло от керосиновой лампы. Трактор был игрушечный, но таскал большую самодельную телегу, набитую мешками. Эти машины были воскрешены на свалке и спешно пущены в дело, чтобы хоть как-то облегчить работу. Ведь именно работа в те дни составляла существо бытия. Только работа, самозабвенная, изобретательная, поистине героическая, могла нас спасти — ведь Кузбасс, Новокузнецк являли собой тот последний рубеж, от которого начиналась победа. Или рабство. Смерть. Такова правда, и никуда от нее не спрячешься.

Тыловой город... Не совсем правильно, по-моему, так говорить и писать. Тыла не было, война кричала отовсюду, каждую минуту и каждый час. Время мерилось заводскими гудками, сменами, тоннами, метрами. Время мерилось сталью, углем, пулеметами, минами, ведрами картошки, граммами кислого хлеба. Цену человека определяла все та же работа.

...Помню одного былинного старика, он каждое утро приходил на то примерно место, где сейчас автовокзал. Там стоял тогда зеленый крытый павильон, предназначенный для ожидания трамвая на остановке. На козырьке павильона красовались внушительного размера деревянные буквы — СГЖД. Аббревиатура эта расшифровывалась так: «Сталинская городская железная дорога (Новокузнецк тогда назывался Сталинском). Но была еще одна, обиходная, так сказать, расшифровка: «Сидите, граждане, ждать долго!». Так вот, приходил сюда старик, устраивался возле тротуарчика в две доски, засоренного семечной шелухой, бородатый, суровый, гренадерской стати, и играл на гуслях, пел длинные песни и каждую песню кончал так: «А воинам, павшим на поле брани, вечная память».

Старик тот явился из прошлого, чтобы благословить будущее, он не просил за свои песни милостыню, он тоже воевал — как мог.

Помню Победу.

Был ясный день. И было ликование — особое. Оно не повторится никогда, потому что такой праздник выпадает один раз на жизнь.

Улицы заполонил народ и никто никуда не торопился. В тот день я увидел глаза Победы — счастливые, озаренные усталостью и печалью. Играли гармошки до утра, в домах пораскрывали окна, за окнами пели «Катюшу» и «Синенький скромный платочек». В тополях на улице Энтузиастов бегал ветерок, и мне казалось, деревья смеются. Над Кузнецким комбинатом вспыхивали ярко и разливались малиновые сполохи, за мартеновскими трубами, за горами, вроде бы трепетало, перекатывалось волнами красное знамя во все небо — до самых высоких звезд.

Война стояла в воздухе, она даже имела свой звук — глухой, шероховатый, звук тревоги и напряжения. Война отпустила нас не на второй день после победы, в Парке отдыха на Водной не закрутилось «чертово колесо» и не открылись веселые аттракцио-

ны. Война не отпускает нас и сейчас. Но вот звук войны покинул меня внезапно. По радио Левитан объявил об отмене карточной системы. Мать дала мне тридцатку единой бумажкой и велела сходить за хлебом для пробы в магазин на улице Кирова. Переждав очередь, я купил две булки, прижал их сильно к груди по привычке и пошел домой. Я отщипывал горбушку, жевал пахучий хлеб, и росло во мне острейшее желание взлететь сейчас же, раскинуть руки крыльями, сделаться в небе точкой, раствориться в бескрайности, как растворяются там птицы. В ушах моих вдруг что-то звонко лопнуло — так рвутся перетянутые струны, — и наступила тишина. Я понял: сейчас, вот только что, наступила, грянула какая-то важная перемена, не слышно было уже надсадного шороха, преследовавшего нас годы, вместо него явилась нежная тишина мира. Я прислонился к железной загородке сквера и заплакал, я теперь знал: никто не отберет у меня хлеб, дед у вокзала не будет больше петь своих нескончаемых песен, которые кон-

чаются одинаково: «А воинам, павшим на поле брани, вечная память». И никто теперь не будет умирать от усталости и плохой еды. Только вот инвалиды останутся инвалидами, и матерям и вдовам никогда не высушить своих слез.

МУ ЦБС им. Н.В. Гоголя
г. Новокузнецк

№ 7287631

Что же представлял собой Новокузнецк сразу после Великой Отечественной войны?

По представлениям и понятиям тех лет — довольно солидный промышленный центр с населением за двести тысяч. Но по нынешним меркам это был город неустроенный, имеющий две-три современные улицы. Сразу же за асфальтом начиналась непролазная грязь и квадратные километры, застроенные бараками, землянками, засыпухами, которые городились на время, но стали, увы, постоянными. В тридцатые годы нашим отцам представлялось, что в самое скорое время у них будут дворцы с кафелем и мрамором, но на повестке дня был металл, уголь и все остальное, что составляет мощь государства. Мы ведь отставали от Европы и высокомерной Америки по всем статьям, а отстающих, как известно, бьют. И самое главное, мы исповедовали большевизм, исповедовали равенство и братство, потому имели много врагов — непримиримых и последовательных.

После войны началось восстановление,

пора затяжная и трудная. Наш город опять работал изо всех сил — давал по плану и сверх плана все, что от него требовалось. Что же касается облика города, то он менялся медленно. За кинотеатром «Коммунар», где сейчас разбит парк имени Гагарина, через торфяное болото и дальше, к самому берегу Томи, были протянуты трубы большого диаметра, они то возносились высоко на подставках из шпал, то пропадали, вкопанные в землю. По этим трубам было удобно ходить после кино тем, кто жил на окраинах, — не замараешь ноги. В трубах, если подставить к шершавому железу ухо, что-то булькало и хлюпало и дышало вроде бы. Так дышит в тайге вялый ручеек. По трубам намывался грунт в низину, в ту самую, где сейчас новые кварталы. А начинались они с больничного городка. Там растут новые дома и поныне. По городу прокатился слух, что на перекрестке улиц Кирова и Metallургов сложат небоскреб, на его крыше поставят бронзового сталевара, голова которого будет задевать облака. Ста-

левару предназначалось по замыслу архи-
текторов, символизировать трудовой подвиг
новокузнецян в военное лихолетье. И верно,
чуть дальше того места, где теперь дом с
магазином «Юный техник», вырыли однаж-
ды глубокий котлован, он стоял, заполнен-
ный водой, долго. В этом озерке везде, ущие
мальчишки скручивали проволокой плоты
и устраивали военные батальи с абордажем
и рукопашной. Схватки неизменно конча-
лись купанием в грязной воде. Отважные
воины плакали на берегу, предвидя жесто-
кую выволочку дома.

Небоскреб так и не родился, вместо него
возник многоэтажный «карандаш» с вполне
прозаическим назначением — в нем обще-
житие, внизу — столовая. Правда, еще не-
которое время говорилось, что все равно
новый этот дом самый высокий в Сибири.
Может быть, так оно и было, во всяком
случае, у нас многое происходило впервые,
появилось впервые. Трамвай, например.
Старый газетный репортер рассказывал
мне такую историю. Скорее всего, это леген-

да, но в основе ее лежат все-таки реальные факты. Случилось это в разгар строительства Кузнецкого комбината. На площадку приехал Орджоникидзе, ну и рабочие пожаловались ему — грязь, мол, товарищ нарком, непролазная, на работу ходить далеко и утомительно, вы бы там, в верхах, обеспокоились таким положением. И Орджоникидзе будто распорядился забрать вагоны из Новосибирска, где как раз собирались открывать первый городской маршрут, и переправить их в Новокузнецк, а у нас рабочая молодежь по субботам, в свободное время и без оплаты, прокладывала рельсы от вокзала к заводу. И пустили трамвай.

Город стал заметно расти уже в пятидесятые годы. Главная наша магистраль, проспект Metallургов, начала удлиняться со стороны теперешнего сквера Космонавтов, с того района, где железнодорожная касса, пошла к площади Маяковского, в сторону горбатого моста через речку Абу. Мостом, кстати, тоже гордились: поговаривали, что он единственный в своем роде — если не

ошибаюсь, предварительно напряженный, клепаный и стоит на роликах. Однако горбатый мост, несмотря на его уникальность, со временем убрали и поставили вместо него обыкновенный, широкий, по нему мы ходим и ездим сейчас.

Позже началось очень активное строительство в районе вокзала, на проспектах Курако и Бардина, ну а еще позже стройка шагнула особенно широко в сторону Болотной, раскидала, развеяла землянки и разлилась в пойме Томи.

Благие перемены происходили и происходят на наших глазах, потому нет нужды, наверное, говорить о них подробно: что есть, то есть, что сработано, то завоевано.

Сибирь никогда не была белым пятном для человека, он здесь жил издревле — кормился возле тайги и даже плавил железо. «В русских исторических документах XVII—XVIII веков и сибирских летописях современные шорцы выступают под названием мрасских, кондомских и кузнецких татар. Русские именовали этих шорцев куз-

нецами, отсюда и название города — Кузнецк, который шорцы называли Аба-Тура, то есть отечество». Так писал прославленный геолог В. И. Яворский в книге «Земля Кузнецкая от древних эпох до наших дней».

Что же касается времен совсем седых и дальних, то и в те времена суровый наш край был заселен и обитаем — здесь бродил еще человек палеолита. Остатки этой древней культуры, следы сознательной деятельности человека обнаружены на высоком берегу Томи, на западной окраине Старокузнецка, близ остатков крепости, которые мы видим теперь.

Началом активного освоения земель за Каменным поясом, то есть за Уральским хребтом, принято считать славный поход Ермака (1581—1585 годы), когда, по определению Карла Маркса, была заложена основа азиатской России.

Козаки уже после гибели своего атамана, упрямо продвигаясь все дальше, достигли однажды реки Томи и на правом ее берегу, недалеко от устья, построили Томский ост-

Монумент в честь И. П. Бардина, академика в рабочей спецовке — так о нем говорили на Кузнецкстрое

29

рог, который и стал городом Томском. Основали его Гаврила Писемский и Василий Тырков. Но и отсюда, из глухой глухомани, надо были идти дальше. Трудно, каждую минуту рискованно, но надо: царь требовал, да и любопытство толкало. В 1610 году томские воеводы писали в Москву: «...воевать, государь, осенью и зимой кузнецких людей не можно, что живут, государь, в крепостях великих и болота обошли, и зыби великие и ржавые, а зимою живут снега великие и воевать, государь, их кроме лета, в жары, не можно... до Кузнецких, государь, до ближних волостей 7 недель, а идти, государь, все до них пусто...». Однако высочайшим указом, доставленным из столицы гонцами через тысячи холодных верст, бесповоротно приказывалось построить острог на правом берегу Томи против устья Кондомы. Скоро слово сказывается, да не скоро дело делается. Нам остается лишь напрячь воображение и представить, как все это происходило. Воевода Голенищев-Кутузов вынужден был оторвать от себя «людишек».

в которых ощущал острую нехватку, организовать экспедицию, вооружить, одеть, обусть сотни казаков, дать им харч в дорогу, да благословить на подвиги ратные. Томская казна трещала, таяла в сундуках тяжелая медная, серебряная и золотая деньга.

...Молебн отслужили, да и тронулись, оттолкнули от берега шестью насмоленные струги, слышно было, как скрипят о гальку днища судов. Вслед развалистым лодкам, выходящим на стремнину, махали руками дети, плакали бабы, как им от веку положено, тревожно блестела на солнце поповская риза, расшитая серебряной ниткой.

— По-ошли!

Однако стоп! Боюсь разворачивать картину в том же духе дальше, поскольку, излагая события в вольном, так сказать, духе, можно наделать ошибок. И раньше, и позже Томское воеводство отряжало отряды, расширяя свои границы, отправляя в края неведомые людей разбитных, предприимчивых, и часто с темным прошлым. Кузнецкий острог был возведен в 1618 году

на горе Вознесенской. Деревянный этот опорный пункт, казачья застава на южной границе Сибири, сгорел, как гласят документы, дошедшие до нас, в 1658 году. Вместо деревянной была поставлена гораздо позже крепость, сложенная из камня, остов которой достался нам в наследство, как память о прошлом. Уже в 1622 году новое поселение, согласно решению высоких властей, получило статус города.

Еще при Петре Первом была предпринята серьезная попытка дотянуться до сибирских сокровищ, поставить их на службу государству. Именно Петр Великий направил грека А. Левандиана, рудознатца и мастера по выплавке металлов, на реку Каштак в Кузнецком Алатау. В сопроводительном указе государевом греку предписывалось «чинить промысел со всяким радением, как бы скорее, прочнее и прибыльнее богатую серебряную руду смыскать, установить, насколько прочная и прибыльная руда на Каштаке». Царь, деятель, известно, нелепый и строгий, наказал рудознатцу «со-

ставить смету» на предмет строительства в недалеком будущем завода в том случае, конечно, если овчинка стоит выделки. Предприятие это, однако, не удалось: строить завод и разведать окрестности не дали местные племена, они убивали поселенцев и жгли постройки.

Петр же послал в наши края и первую научную экспедицию, возглавляемую Д. Г. Мессершмидтом, натуралистом и доктором медицинских наук. Цель преследовалась такая: описание природы Сибири, ее населения, обычаев, памятников старины и вообще всего примечательного. Ученый немец прибыл на сибирские земли в 1721 году, начал он свой путь из Томска, поднялся по воде до устья Балыксу, в самых верховьях Томи, перевалил горный хребет и спустился в Минусинскую долину. Мессершмидт по неизвестным причинам дневники свои не опубликовал и не разобрал коллекции минералов, собранных по дороге. Этим позже занимался энциклопедист, образованнейший человек своего времени Михаил Ва-

Васильевич Ломоносов. Немецкий путешественник, следуя в верховья Томи, отметил как примечательность особого свойства «огнедышащую гору» в 20 километрах от Кузнецка. Гора у местного населения пользовалась дурной славой и никто на нее не ходил, боясь разгневать злых духов. Позже геологи выяснили, что выше Кузнецка горел пласт угля юрского возраста.

Итак, Михаил Васильевич Ломоносов, редактируя в 1745 году каталог коллекции «Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук» так описал образцы, собранные Мессершмидтом у той самой «огнедышащей горы»: «...серая земля, наподобие каменного угля, или лучше сказать, смуроватая глина, найдена при устье реки Абашевы, которая впадала в реку Томь... Земля с белыми и красными пестрянками... каменное уголье светящееся слоевое».

Еще в 1739 году известный горнозаводчик, хваткий воротила А. Демидов доставил в Берг-Коллегию образцы каменного угля «подле Томи под городом Кузнецком» и

просил выдать разрешение на поиски и разработку «оного угля и других металлов и минералов». Такое разрешение было получено, однако дальше хлопот дело не продвинулось. Во всяком случае никаких упоминаний о демидовском предприятии близ Кузнецка нет.

Ни в коем случае не стоит думать так, будто возможности Сибири были осознаны лишь в наши дни. Несомненно, только Советская власть поняла ее значение и широко, государственно подошла к освоению земель за Уралом масштабно, последовательно и целенаправленно. Но стоит помнить, что еще М. В. Ломоносов предвидел, что могущество России Сибирью прирастать будет. Тема же эта — освоение Сибири — очень обширна и не лишена драматизма. Отмечу лишь два момента.

Накануне первой империалистической войны с помощью разворотливого царедворца Ф. Трепова был организован (1912 год) КОПИКУЗ — Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей и метал-

лургических заводов. Двор (сибирские земли принадлежали, как известно, царской фамилии) отдавал учредителям акционерного общества район Кузнецка и прилегающие к нему довольно обширные территории в аренду сроком на 60 лет. Привлечен был европейский капитал, и дело мыслилось поставить на широкую ногу. Но фирма по разным причинам потерпела крах. А до КОПИКУЗа, раньше, копались помаленьку заводчики, дымились трубы, спускались под землю каторжники, закованные в кандалы, чтобы добывать руду. Промышленные изделия в наших краях были сравнительно дешевы, да ведь за морем телушка — полушка, да рубль перевоз. Пока довезешь железо или, скажем, медь в дальние края, медная копейка обрстет золотом. В европейскую часть России многое везли с Урала, а он ведь ближе. Заводы и шахтенки работали в основном на свой необширный рынок. В 1771 году в верховье реки Чумыш, в пятидесяти километрах от Кузнецка, у Барнаульского тракта, был возведен помалу Томский же-

лезоделательный завод. Он существовал до 1864 года. Стоял завод на древесном угле. В 1789 году управляющий некто Пастухов сложил печь для более интенсивного разогрева мелкого чугунного литья. Это было техническое новшество, шаг вперед в железоделательном ремесле, однако такие печи требовали уже не древесного, а каменного угля. Петухов показал рабочим кусочек английского антрацита, привезенного из Петербурга, и спросил: не видел ли кто поблизости нечто подобное. И тут плотницкий ученик Я. Ребров принес для показа хранившийся у него кусок угля, который оказался схожим с английским. Выяснилось, что «черный камень» был найден Ребровым случайно в 1787 году зимой во время «его бытия около деревни Атамановой за покупкой хлеба, а едучи в обратный путь рекою Томью по течению оной на правой стороне в утесе, из коего, хотя наперед сего и не слышал о каменном угле и совершенно его не знал, но из любопытства набрал около пуда и привез с собой на завод, а как он,

Ребров, не чаял чтобы к чему сей уголь был употреблен, то не объявил никому, держал в доме своем, а как Ребров взял поблизости деревни Атамановой, почему и назвал Атамановским каменным углем... впоследствии времени оказалось, что вышеописанный каменный уголь месторождение имеет... не на одном месте, откуда Ребровым был взят, но в трех местах...»

Я здесь цитировал документ из архивов Томского завода. Бумаги имели общее заглавие «Дела, не требующие дальнейшего производства». Эти строки приводит в своей небольшой книжке о Кузнецком бассейне старейший советский геолог В. И. Яворский. От себя автор добавляет, что по современной номенклатуре пласт, открытый плотницким учеником, числится под номером 25 и относится к Байдаевскому месторождению, он, пласт, выступает на восточном крыле мульды в 16 километрах выше Старокузнецка.

Хочу обратить внимание читателя вот на какое обстоятельство. Коли заводчанин поехал зимой, в стужу, за хлебом, значит,

эта поездка была, хоть, может быть, и не очень приятная, но все-таки рядовая. По сегодняшним меркам такая экспедиция сравнима с поездкой на трамвае в пригород. От Томского завода до Кузнецка было пятьдесят верст, да от Кузнецка до Атаманово с десятков, может, наберит. В один день даже на лихом коне не обернешься. Значит, человек где-то останавливался погреться и подхарчиться, где-то ночевал, всл немудрящие мужицкие разговоры про погоду, да про цены, да про заработки и про заводскую свою недолю. О том нам никогда не узнать в подробностях, не увидеть нам лица этого человека, не услышать песен, которые он пел при застолье. Немного печально сознавать, что прошлое уходит от нас тихой поступью в дымку забвения, растворяется невозвратно в далекой дали. Итак, подмастерье совершал, повторяю, рядовую поездку. Значит, в этих краях уже тогда былолюдно и жизнь катилась размеренной чередой, были установлены прочные экономические и социальные связи.

В Атаманове и окрест хлебопашествовали зажиточные казаки, вокруг них собирался народ без роду и племени, оседал на земле помалу, заводил хозяйствышко, укрываясь за широкой спиной государевых слуг. Приблудные и с неясным прошлым мужики назывались захребетниками, работали они в наем или в аренду, и никто у них особо не спрашивал, откуда возник, куда направляется и за какие грехи принесло бедолагу на самый край империи.

И хотя слава первооткрывателя кузбасского угля бесспорно связана с именем Михайлы Волкова, хочу воздать должное плотницкому ученику Я. Реброву. Ведь и до него мимо скалы, где был обнажен угольный пласт, ходило и ездило немало путников, а только он набрал в сани диковинного камня с тем, чтобы, наверно, потом поспрашивать у тех, кто постарше, да побольше видел, что это такое и к чему его можно чуть чего приспособить.

Очень важно знать, что сегодня Новокузнецк дает за год почти 12 миллионов

тонн стали, 10 миллионов тонн чугуна, около 9 миллионов тонн проката. Вся страна в 1940 году, к примеру, производила 18,3 миллиона тонн стали. Эти цифры, смею надеяться, дают реальное представление о мощи города. А уголь! А машиностроение! Это в общих чертах безусловно надо знать моим землякам. Но так же безусловно надо знать и помнить, из каких семян выросла и окрепла наша духовная сила, кто на нашей земле был предтечей тому плодотворнейшему мировоззрению, которое позже стало называться большевизмом, тому несокрушимому духовному оружию, на которое мы опираемся и будем опираться.

Что же представлял собой город Кузнецк до революции, до первой пятилетки, всколыхнувшей Кузбасс, предопределившей его судьбу, особую судьбу и славное будущее?

Глубоко провинциальный городишко, провинциальный даже для Сибири. Размеренно и тихо тянулись дни, обыватель пробавлял-

ся чем мог. Был пивоваренный завод, мелкие мастерские. При пивоваренном заводе была котельная, уголь для нее ковыряли в Байдаевке, сплавляли его по Томи с запасом на зиму.

Первый пароход, колесный, пришлепал в Кузнецк в мае 1897 года, без малого через сто лет после того, как он был изобретен Фултоном и в Европе был так же обыкновенен, как, скажем, конный экипаж. Пароход назывался «Томь». На берегу, как пишет очевидец, побывало в тот день все население Кузнецка, исключая безнадежно больных. В 1899 году появился первый велосипед и за ним самозабвенно бегали мальчишки: как же — чудо! В самом конце XIX века земляки наши слушали мелодии, исходящие из «музыкального ящика». «Ящик» демонстрировал за платный вход некий приезжий дядька в шляпе. Своеобразный этот концерт завершала русская песня «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Все это так. Однако Сибирь в силу своего особого положения, именно потому, что была

далека от центров, захолустна, как то ни парадоксально, систематически приобретала мыслителей самого высокого толка. Вся передовая мысль, вся царская крамола, ссылалась к нам. Здесь всегда жили вольнодумцы, носители самых передовых взглядов. Ведь именно в Кузнецке известный писатель-публицист и философ В. В. Берви-Флеровский, выпускник Казанского университета, написал книгу «Положение рабочего класса в России» (1869 год). Именно о Кузнецкой земле писал свои печальные и гневные рассказы и повести чиновник Николай Наумов, незаслуженно теперь забытый. Именно в Кузнецке доживал свой век один из организаторов «Северного союза русских рабочих» Виктор Павлович Обнорский. Умер он в 1919 году в городе Томске, куда приехал за врачебной помощью. Виктор Павлович дожил до революции, о которой мечтал и которую как мог готовил. Он принимал самое деятельное участие в событиях и выступал в Народном доме Кузнецка, звал к действию.

В Кузнецке родились и росли братья Валентин Федорович и Вениамин Федорович Булгаковы, сыновья смотрителя уездного училища, известные позже деятели культуры. Валентин Федорович Булгаков был последним секретарем Льва Николаевича Толстого и хранителем музея в Ясной Поляне. Вениамин Федорович, кроме прочего, оставил, передал в дар Новокузнецку свою рукопись воспоминаний, посвященных детству и родине. Рукопись эта, будем надеяться, еще увидит свет и найдет своего заинтересованного читателя.

Именно в Кузнецке дерзкий студент Валериан Куйбышев печатал листовки, призывающие к свержению постылой власти.

Именно в Кузнецке пережил мучительное свое счастье, венчался и праздновал свадьбу гениальный писатель Федор Михайлович Достоевский. Об этом, впрочем, написано немало статей и книг. Литературоведы считают, что кузнецчане стали позже прототипами многих героев произведений великого знатока человеческих душ.

Интересно отметить, что Кузнецкое училище, ставшее в феврале 1920 года средней школой второй ступени, а затем и средней школой за номером 10, в разное время окончили не только братья Булгаковы, но и академик В. И. Шунков, видный исследователь Сибири, гвардии генерал-майор артиллерии Николай Григорьевич Ушаков, герой Отечественной войны, командир тридцать второй гвардейской дивизии, Виктор Иванович Полосухин. Солдаты под его командой дали решительный бой немецким оккупантам на Бородинском поле и повторили подвиг великих кутузовских полков через столетие с небольшим.

...Мы не ставили перед собой цель предпринять подробный экскурс в историю — эта книжка имеет несколько иное назначение, хотя без истории, конечно же, не обойтись. В последнее время появляется немало интересных работ о прошлом нашего края, и тем, кто хочет больше узнать о земле, на которой живет, есть что почитать и есть о чем образмыслить.

Новокузнецк — город особенный, в каком-то смысле город нантипичнейший. Он вырос и утвердился в годы первых пятилеток, стал остро нужен в стране в тяжелые годы войны, не утерял своего первостепенного значения и сейчас.

...Ночами, когда тихи и пустыньны наши улицы, когда город спит, я слышу иногда голос диспетчера доменного цеха Кузнецкого металлургического комбината. Диспетчер опять велит подать состав под чугуны. На какой-то печи начинается выпуск металла. Металл этот льется днем и ночью, утром, вечером вот уже более полувека.

В Москве стоит глухая ночь, когда мой город просыпается.

Зимой у нас темнеет рано и светает поздно. Трамваи пробираются по путям осторожно, потому что пути заметают снега. Летом наше солнце такое же жаркое и большое, как в Европе, такое же большое и доброе. Сибирь, поверьте мне, не такая уж и суровая сторона.

Идут трамваи к Кузнецкому комбинату, на правый берег Томи с вокзала берут разгон электрички, они торопятся к Запсибу. Утром тысячи шахтеров спускаются под землю, утром открываются двери институтов, клиник, школ... Когда начнет бодрствовать столица, мы уже сделаем много. Из ковшей польются сталь и чугун, рядами лягут на адьюстаж рельсы, уголок, арматура. Прокат сперва имеет темно-малиновый цвет и остывает долго, громко отщелкивая окалину. Встанут строем, блестя свежей краской, буровые машины на машиностроительном заводе с маркой «Сделано в Новокузнецке».

...Спроектировано в Новокузнецке, изобретено в Новокузнецке... Мой город может почти все. Как-то механики на Запсибе в шутку сказали мне:

— Самолет сделать, пожалуй, не можем, автомобиль — тоже, все остальное — пожалуйста, и в лучшем виде.

Мой город начинался при Советской власти, он молод, но его биография соткана

из легенд. Недаром же Новокузнецк носит на своем знамени ордена Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, а его комсомольская организация награждена орденом Ленина.

Черные металлы, цветные металлы (у нас успешно работает и один из самых крупных в стране алюминиевых заводов), уголь. Это особая статья — уголь. В городе работают двенадцать шахт и два разреза, которые дают в день 65 тысяч тонн топлива, в месяц — 1,6 миллиона тонн, в год — около 20 миллионов. Составы, груженные «черным золотом», направляются от нас в 4000 тысяч адресов, уголь в трюмах пароходов плывет по морям и океанам от нас в Испанию, Японию, Корею, Йемен... В городе, как я уже говорил, развито машиностроение, фармацевтическая промышленность. Впрочем, давайте по порядку.

Жизнь города неохватна. Обо всем не расскажешь подробно, как ни старайся.

Здравый смысл, да, пожалуй, историческая справедливость диктуют начать по-

Танк на заводской площади КМК.
Он из нашей стали, и он дошел до
Берлина

вестование с того события, с тех дней, когда начал рождаться, расти как на дрожжах новый социалистический город, то есть с июля 1929 года, когда пришли к нам первые строители, когда состоялось на государственном уровне решение о создании металлургической базы на востоке страны. Отцы и деды наши карьеру свою и путь к славе начинали так: один бежал от сиротства и недоли, другой бежал от голодухи, третий вербовался на Кузнецкую площадку, очарованный бойкостью речей приезжих зазывал. Лапотная деревня пеше, конно и по воде стекалась творить неведомое дело, создавать город-сад, о котором писал позже поэт Владимир Маяковский в стихотворении, посвященном Кузнецкстрою.

Многие же и не видели в глаза вербовщиков со стройки, но пользуясь лишь зыбкими слухами о том, что где-то неподалеку от города Кузнецка разворачивается «агромасштабное строительство», что там складывается по кирпичику немеренной величины заводище, повинуюсь неясному, тревожно-

щемящему движению души, бросали хозяйствишко, по дешевке расторгивали скарб и пускались в путь, чтобы обязательно найти на просторной сибирской земле тот самый заводиче. Найти и приложить руки к государственной и народной заботе. Очень характерна в этом смысле история слесаря листопрокатного цеха КМК А. И. Лимонова. Весной 1929 года он вместе с односельчанами, имея за плечами лишь котомку, шагнул навстречу своей доле. По дороге, надо отметить, компания пополнялась — присоединялись мужички из близких и дальних деревень. Никто толком не знал, однако, куда идти, и оказались они в итоге не в Кузнецке, а в Тельбесе. Многие, большинство, остались здесь работать на руднике, но А. И. Лимонов был упрям, и увидел он свой завод, увидел стройку, которая превзошла все его ожидания. Здесь он остался навсегда.

Сторонние наблюдатели, иностранцы спрашивали: «Завод вы, может, и постройте. С натугой. Допускаем. Но как вы будете

чугун и сталь варить, когда ваши люди автомобиля боятся?»

Отвечали: научимся, народ у нас дотошный. Нам нельзя не научиться, мы же ведь для себя стараемся.

Все было правдой: и то, что народ прихлынул на Кузнецкстрой совсем необученный, и то, что металлургическое предприятие — организм сложнейший, и то, что в просвещенных странах ремеслу, связанному с металлом, учатся десятки лет. В Германии, например, на заводах Круппа существовали и существуют династии, передающие секреты мастерства от отца — к сыну, от сына — к внуку. Да и у нас на Урале издавна так было. Один пенсионер признался мне как-то с невеселой усмешкой: «Когда назначили в доменный цех, я пожаловался односельчанам, которые вместе со мной вербовались сюда: никогда, мол, топора в руках не держал, а тут, понимаешь, дома заставляют строить. Темные были, чего с нас взять!»

Однако раскрепощенный труд явил собой восьмое и неповторимое чудо света.

...«Я теперь горжусь. Наше дело не фантазия! Мы строим социализм в бывшей каторжной Сибири, и я могу с уверенностью сказать: построим! Хочу закричать с наших лесов, что мы — рабочий класс, дадим стране кузнецкий кокс».

Так писал своим товарищам в Горловку рабочий Петр Жуков, он звал знакомых и незнакомых земляков приехать и срочно помочь, потому как дело отсрочки не терпит.

Все началось летом 1929 года, а весной 1932-го в Москву была отправлена телеграмма-«молния» такого содержания: «Выдали первую плавку чугуна в 64 тонны. Чугун прекрасного качества — 4 процента кремния. Все агрегаты и сама домна работают совершенно нормально». Эта весть пошла в столицу 4 апреля. Завод с тех самых часов и минут стал числиться в ряду действующих, а город начал закладывать новые улицы — Энтузиастов, Кирова, Металлургов. Недалеко от завода формировался жилой массив. По нынешним меркам то была явная ошибка: из окон квартиры

не очень приятно и комфортно любоваться заводскими дымами разных цветов и оттенков. Дымы эти коптят небо днем и ночью. Однако на заре индустриализации трубами и дымами гордились, ведь они являли собой признаки прогресса и были символом мощи и неизбежного веяния новой эпохи переустройства и обновления. Вспоминаю в этой связи рассказ одного ветерана. Приехал он на Кузнецкстрой из деревни, преуспел на работе, стал ударником, и послал его комсомол учиться на курсы мастеров. «Иду, — вспоминал ветеран, — вечером с курсов, руки в чернилах, я чернила специально не смывал, пусть видят люди: я почти что студент. Подумать только, ведь я учусь!»

Такие были времена — незабвенные и героические. Тогда не думали еще всерьез о защите природы, тогда казалось, что страна наша необъятна, а ресурсы ее бесконечны. Мы торопились, потому что были слабы, потому что над страной нависала война. И не будем выступать теперь в роли пророков, мыслящих вспять, рассуждая о

гом, где и когда были допущены стратегические просчеты при строительстве городов и заводов. Что было, то было, что есть, то есть. Но мы получили в наследство современное предприятие, которое стоило кровушки, пота, да и денег из небогатой государственной казны, мы получили сталь. И эта сталь оборонила нас от лютого врага, сибирская броня, зажата в тугий народный кулак, разметала завоевателей, остановила фашизм.

Город неотделим от КМК. Здесь на первых порах всем владел комбинат, все создавалось на его средства и его силами.

«Кузнецкстрой» — это ведь не только завод посреди сплошной тайги, это и великая социальная революция, большевистские университеты, это порой полная перемена понятий и жизненной философии человека, коренная перестройка людской сущности. Скатился, съехался на Кузнецкстрой сибирский крестьянский люд. На первых порах возвышенные матери мало кого интересовали. Для большинства цель была одна:

подзаработать, выправить свое хозяйство, окрепнуть на своем заветном клочке земли. Но порыв, но горячее слово коммунистов и комсомола, но сама обстановка делали свое доброе дело: равнодушные становились энтузиастами, жадные — бескорыстными, попутчики — активистами, неграмотные приобретали профессиональный опыт и политическую закалку, которой хватило потом на всю жизнь. Ну, и учились, конечно. Учились всему сразу. Учились строить, учились гражданственности, обретали культуру, расширяли свой горизонт, чтобы видеть и чувствовать весь мир, чтобы думать за всю землю и принимать близко чужую боль. Это, словом, была великая школа, это было неповторимое время. Именно в годы первых пятилеток мы приобрели — путем сверхусилий, в результате общенародного порыва — не только домны, прокатные станы, шахты и паровозы, но и нового человека. Именно тот новый, социалистический человек, в первую очередь, и выстоял в лихолетье. Ни одному народу, ни одному госу-

дарству испытания, выпавшие на нашу долю, были бы, уверен, не по плечу.

Как это, может быть, ни странно звучит, но в пору наивысшего напряжения сил и удручающей бедности о культуре думали ничуть не меньше, если не больше, чем сейчас. Судите сами. С деньгами было туго, а строили клубы, кинотеатры, дворцы со спортивными залами, ну и, разумеется, жилье — по возможности. Первый клуб имени Эйхе (он был деревянный и сгорел) располагался примерно на том месте, где сейчас здание института усовершенствования врачей (ГИДУВ). Выступали здесь не самодеятельные и второразрядные актеры. Самого Качалова слушали и смотрели! В вестибюле рабочий народ снимал грязную обувь, дальше пробирались кто босиком, кто в портянках. Пьесы шли в две смены. Внимали драме благоговейно, с затаенным дыханием, для оваций рук не жалели. Случалось, требовали заключительную сцену перенграть с тем, чтобы обязательно хороший конец получился, и не хо-

тели слушать объяснений режиссера, что так, мол, хотел автор. Мало ли что хотел автор, жестокий он, значит, мужик.

Когда писал эту книжку, встречал во дворе соседа, прославленного ветерана КМК Василия Григорьевича Гурьянова, ныне уже покойного. Он по моей просьбе работал над мемуарами. У этого человека была ясная память, перо он держал крепко, ему, кузнецкстроевцу, было о чем поведать. Встретились, значит. Я у него попросил вроде бы в шутку занять один хотя бы эпизод из достоянных времен его молодости. Он торопился, но просьбу мою без внимания не оставил.

— Без фамилий только, хорошо? Был у нас паренек — ударник, активист и на работе богатырь, а горячий — спасу нет. Да. Послали его однажды на слет передовиков то ли в Москву, то ли в Новосибирск, теперь уж неважно. Послали, а ехать не в чем: штаны на нем еще туда-сюда, подгладить, подлатать и сойдет, если не присматриваться, но вот с обуткой — совсем

неважные обстоятельства. Комсомол поручил мне во что бы то ни стало выбить, понимаешь, штиблеты у торговых товарищей ради такого случая — ведь делегат, не Ванька с толкучки, ценить надобно! Штиблеты я достал, хотя, честно, стоило это мне хлопот и нервов. Заявление самые высокие товарищи подписали, вплоть до дирекции, иначе и не суйся: обувь, да тем более приличная, в большом дефиците стояла. Правда, все у нас тогда было в дефиците. Ну, вручили мы своему активисту моднейшую обувь и помахали ручкой вслед с облегчением: не будет Кузнецкстрой краснеть за человека! Да. Он, как выяснилось, ночью комсомольский подарок наш под подушку спрятал. Утром пошарил в тайнике своем, одной штиблетины нет. Украли, значит! Он с досады и тоски отчаянной второй ботинок в окошко выбросил, а спустился когда с верхней полки-то, то и наступил на свою потерю. А дело было сделано и поезд не остановишь!

Строительство, освоение мощностей, творческий расцвет, слава, наконец. Таковы основные этапы замечательной судьбы четырехжды орденоносного Кузнецкого комбината. Четыре ордена на рабочем знамени имеют весьма и весьма немногие предприятия страны. А награды даются нелегко. Прежде чем повести рассказ о заслугах, считаю нужным подчеркнуть один существенный момент. О КМК написано много и, к сожалению, в газетных зарисовках, очерках, да и в воспоминаниях стереотипно подчеркивается, что строили хоть и лихорадочно, но быстро, а после же все шло, хоть и с осечками, но в общем успешно. Человеку свойственно забывать плохое, однако, давайте все-таки уважать прошлое, и если уж придерживаться золотой середины и поклоняться истине, то не хватали мы бога за бороду с самого начала, наука давалась нам мучительно, стояла неизмеримо дорого, зато, конечно, и окупилась сторицей: ведь за одного битого семь небитых дают. Куда денешь темного крестьянина, который вдруг стал

хозяином сложнейшей техники? Мужичок жаждал уметь и знать, он по праву был необыкновенно смекалистым, но ведь он начинал с нуля.

Даю слово старейшему газовщику доменного цеха, теперь пенсионеру, Василию Васильевичу Балте:

— Скажу честно, плохо работали сперва. Я считался подготовленным, стажировался на Днепродзержинском заводе, и готовили нас специально для Кузнецка. Но, во-первых, мы крутились возле старых печей, во-вторых, юг есть юг: зима там совсем другого порядка, дождичек со снегом, минус десять на дворе. Здесь, брат ты мой, за пятьдесят лезет и света белого не видать, живешь как в синем студне... Работали плохо. Мы не умеем, американцы уши прижали, забоялись. У печи, случалось, собирали по шестнадцать горновых и других разных помощателей. Летку забивали пушкой фирмы «Брозиус», язви ее в душу — и фирму, и пушку! Она, пушка, пневматическая, слабая и глину качала порциями. Ну, что твой

комар: воткнет хобот в огонь, а братва в суете великой. Заложили комок глины в цилиндр, шир-шир — и опять комок. Ко мне обязательно бегут: воздуху мало, давления нет, жмешь воздух, газовщик! Да где я его наберусь, самому дуть, что ли! Скандал. Все время скандал...

Американские и европейские инженеры, приглашенные за золото в качестве консультантов, в подавляющем большинстве своем неплохо знали дело. И коренные разногласия между специалистами российской, советской выучки и почетными гостями возникали не потому, что первые уже тогда все превзошли, а вторые не умели ничего. Корень систематических конфликтов был с самого начала социальный, политический: они работали за доллары, мы же работали на себя и начали ощущать въяве, окрыляясь, ни с чем не сравнимую радость освобожденного труда. Наше бескорыстие и наша окрыленность были выше их понимания. Зачем не спать ночей, если бессонные ночи не оплачиваются звонкой монетой?

Еще один штрих на эту тему.

В 1958 году, будучи собственным корреспондентом областной молодежной газеты, я получил однажды неожиданное задание — взять интервью у главы американской делегации металлургов, прибывших на КМК с дружеским визитом. Беседа состоялась утром в холле гостиницы на Верхней Колонии. Мы, журналисты, естественно, поинтересовались мнением американца о Кузнецком комбинате. Отвечал на вопросы глава делегации мистер Райерсон. Он часто поднимал палец и произносил: «О!» Особенно, помнится, его поразили технический музей Дворца культуры, блюминг и автоматическая загрузка доменных печей. Главе делегации не понравилось, что некоторые члены его группы на официальных приемах злоупотребляют спиртным.

— Этого не записывайте! — предупредил нас переводчик.

Мы и не собирались про это писать — зачем же вмешиваться во внутренние дела, так сказать, могучего государства?

По приезде домой наш знакомый капиталист, крупный воротила от бизнеса, заявил в печати: «...с технической точки зрения русские столь же высоко квалифицированные, как и мы... в некоторых отношениях они работают в металлургии лучше нас».

Вот круг и замкнулся.

Я попытался как-то выяснить, сколько же специалистов Новокузнецка, металлургов в частности, работают консультантами в других странах. Такие данные мне не нашли, но десятки инженеров, если не сотни, уезжают и возвращаются домой из Индии, Кореи, Анголы, Египта, Монголии, Ирана, Сирии. География, в общем, самая широкая — весь шар земной.

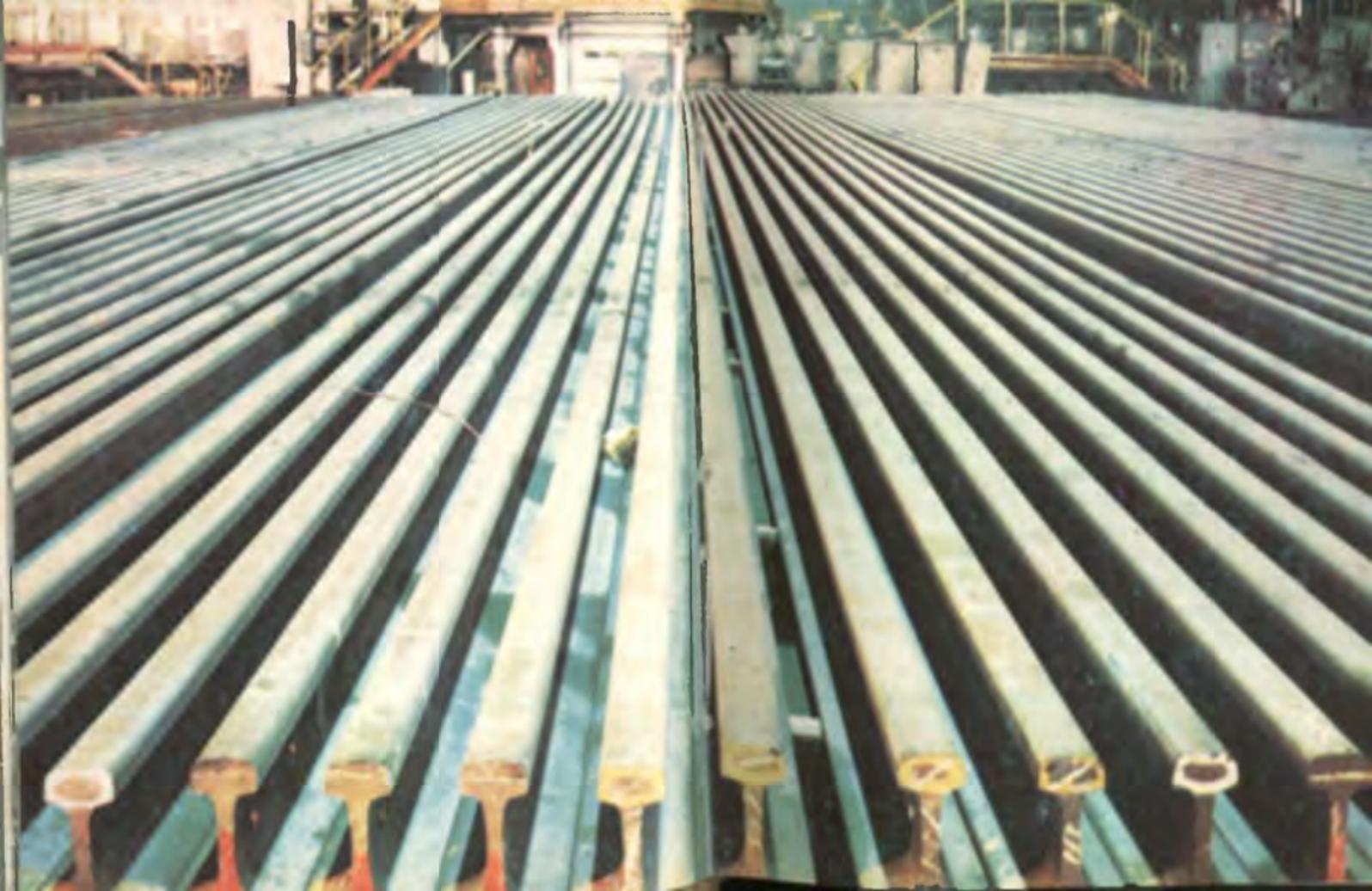
У каждого города — свое прошлое. Будущее предвидится и предполагается, прошлое оседает в памяти, а память — тоже богатство, особое и очень нужное. Память эта с нами — она в названиях улиц и площадей.

она в граните, она на страницах книг, в строках песен, она — наше оружие и наша мудрость. Мы, может быть, заслужим упрек потомков за то, что были скупы на монументы, что золотую пыль истории уносил от нас ветер. Что ж, наверно, справедливо упрекнут: нам ведь все некогда оглянуться назад, как поется. А жаль!

...От вокзальной площади Новокузнецка всером расходятся три улицы — Курако, Metallургов и Бардина. Человеку, сведущему в металлургии, сразу станет ясно, что в этом городе варят чугун и сталь, прокатывают, спекают кокс, потому что, судя по названиям улиц, здесь жили и работали знаменитые инженеры, имена которых известны по учебникам.

Михаил Константинович Курако, звезда первой величины в некороткой и драматической летописи отечественной промышленности, закончил славные дни свои на Кузнецкой земле и захоронен в тихой роще на Верхней Колонии за Кузнецким металлургическим комбинатом. На его могиле

обелиск с надписью: «Великий мастер доменного дела. 1872—1920 гг.»

Великий мастер, человек удивительной судьбы. Дворянин Могилевской губернии, сбежавший из кадетского корпуса и земельного училища, он поступил работать каталом на металлургический завод в городе Екатеринославе. От каталя дошел, преодолев немыслимые препятствия, до начальника доменного цеха, великого знатока и умельца, чей авторитет стал непререкаемым. Надо отметить особо, что в те времена, когда могилевский изгой начинал свой путь в металлургии на юге страны, на всех заводах царили на производстве исключительно иностранные специалисты — немцы, французы, голландцы. Работали по найму и русские инженеры, но к доменному делу по традиции и неписаному закону не допускались, поскольку выплавлять чугун считалось делом весьма тонким и деликатным. Такое пренебрежение унижало, конечно, человеческое достоинство людей, окончивших, скажем, ту же Горную Академию в

Петербурге, очень серьезное учебное заведение, не уступающее по уровню и системе преподавания ни одному европейскому сходного профиля. Русские роптали, конечно, но последнее слово оставалось за хозяином. Так вот, когда М. К. Курако был в зените славы, его стали приглашать для консультаций и устранения аварий, он иногда в таких случаях ставил условие: пусть владелец завода выдаст справку о том, что «козел» в печи устранил русский мастер Михаил Курако со товарищи. Справку такую, скрепя сердце, выдавали — ведь на кон ставились большие деньги: «козел» в домне означал долговременную остановку печи и капитальный ее ремонт. Таким путем, пусть и несколько лукавым, великий доменщик стоял за авторитет русской школы металлургов. Михаил Константинович со своими учениками проектировали с прицелом на будущее домны и цеха «американского» типа, то есть объемные и высокомеханизированные. Они верили, что отечественной металлургии принадлежит великое будущее.

поэтому ведущий мастер чугунного литья сразу и безусловно согласился на предложение КОПИКУЗа ехать в Сибирь, где намечалось строить завод и где М. К. Курако и его группу обещали избавить от мелочной опеки, давали ему полную свободу действий. Шанс — воплотить мечту в реальность — выпадает, случается, раз в жизни, и мастер этот шанс не хотел упускать. Ну, а потом — революция, колчаковщина в Сибири, разруха. На первых порах не до нового завода. Михаила Константиновича пригласили на юг восстанавливать разрушенную промышленность, но уехать он не успел: умер от тифа в городе Кузнецке.

После изгнания Колчака М. К. Курако вызвал в Томск уполномоченный Совета Труда и Оборона, представитель В. И. Ленина, для переговоров. Перед отъездом доменщик успел послать короткую записку в Енакиево своему лучшему ученику и последователю Ивану Павловичу Бардину: «Не знаю, получишь ли ты эту цидулку, сейчас получил телеграмму от представителя

центра. Будем строить завод. Приезжай в гости. Может, через год пустим первый номер — останешься насовсем». Михаил Константинович еще надеялся, что развернется стройка в глухомани, но надежды его тогда не сбылись. Эти надежды суждено было воплотить в жизнь именно Ивану Павловичу Бардину, главному инженеру Кузнецкостроя, «академику в полушубке», как называли его рабочие. О Бардине много написано, много рассказано, в техническом музее Кузнецкого комбината ему отведено почетное и достойное место. Нет нужды повторяться, я здесь попытаюсь привести мало известные факты из биографии замечательного металлурга.

Слышал я от стариков такую историю. Приспело время пускать водовод от Томи к заводу. Приспело время, а труб нет — подвели зарубежные поставщики: западным толстосумам не очень нравилась наша озабоченность народным хозяйством и тяжелой индустрией. Ну, так вот, труб, значит, нет, а сроки подпирают. Вся страна смотрит при-

стально на Магнитку да на Кузнецк: как там у них дела спорятся? Выход-то нашли, да не совсем вроде бы надежный — мужицкую придумку взяли на примету. Предложил кто-то водовод соорудить деревянный, на лиственницы исключительно: лиственница, она воды не боится. Соорудили. А Бардин совсем не уверен, будет ли система работать. Вся ответственность ведь на него легла. Он, говорят, сел возле канавы, вытащил пистолет из кармана и дал команду пустить насосную. Качают, а давления нужного нет. Бардина товарищи убеждают:

— Ты погоди, мол, стреляться-то, займутся наши трубы, размокнут, и все пойдет по порядку.

Долго он сидел так и решал судьбу — жить или не жить. В итоге к вечеру все наладилось как следует, и не застрелился Иван Павлович, достроил Кузнецкий комбинат.

Легенда? Кто знает. Думаю, однако, она, легенда, не лишена резона и недалеко от правды...

А мужицкий водовод стоял многие десяти-
ки лет.

Я видел Ивана Павловича Бардина, уже
старого, наделенного многими титулами и
званиями, обремененного государственным
заботами. Он приезжал к нам на Запсиб
в те времена, когда стройка только брала
разворот. Собрались мы в тесном зальчи-
ке — дворцов еще не было, — и Бардин
сказал свое слово молодежи. Говорил он
медленно, тихо и с заметной печалью. Речь
его имела примерно такое содержание. Если
бы у меня спросили, жалею ли я о прошлом,
я бы ответил: нет, не жалею. Здесь, на
Кузнецкой земле прошли мои лучшие годы,
здесь я оставил душу. Теперь вот вы пришли
сюда, и я вам завидую — молодым
и дерзким.

Гораздо меньше, к сожалению, мои зем-
ляки знают о других видных деятелях боль-
шевистской партии и государства, отдавших
свой недюжинный талант Кузнецкому ком-
бинату. — о Сергее Мироновиче Франкфур-

те, первом начальнице строительства и первом директоре о Рафаиле Хитарове — первом секретаре горкома партии.

Сергей Миронович Франкфурт к 32 годам, когда он был направлен для работы в Наркомат иностранных дел, считался уже старым большевиком, потому что вступил в партию в 16 лет. Наши края Сергей Миронович знал, он одно время был заместителем председателя Урало-Сибирской комиссии Высшего Совета Народного Хозяйства, встречался с Владимиром Ильичем Лениным для обсуждения проблем развития промышленности востока страны. Это обстоятельство, вероятней всего, и предрешило его судьбу. Людей такого масштаба тогда можно было пересчитать по пальцам, поэтому Сергею Мироновичу в 1930 году и был поручен Кузнецкстрой. О строительстве завода и города Франкфурт написал книгу «Рождение стали и человека», которая стала, увы, библиографической редкостью. В книге идет речь о работе, людях и мало сказано об авторе. Жизнь и судьба Франкфурта ждет

своего летописца, заинтересованного исследователя, так же, как ждет своего летописца другая ярчайшая личность — Рафаил Мовсесович Хитаров. Вот для наглядности анкетные данные из личного дела Хитарова. Подпольная партийная работа в меньшевистской Грузии, затем — Германия, участие в революционных боях горняков Рура. Москва, работа в Коммунистическом Интернационале Молодежи, Хитаров — заместитель Эрнста Тельмана. В 1928 году молодой коммунист был избран Генеральным секретарем исполкома КИМа. На Кузнецкстрой Рафаил Мовсесович Хитаров был направлен летом 1931 года для того, чтобы срочно наладить партийную работу. И уже в сентябре 1932 года «Правда» писала: «Стронтели новых металлургических гигантов — Магнитстроя, Азовстали, Запорожстали, Криворожья, Тулы — учитесь у большевиков Кузнецка бороться за полный металлургический цикл».

Вот видите как — «учитесь»!

Партийные и государственные комиссии,

проверяющие положение дел на стройке КМК, приходили к единодушному выводу: кузнечане работают более организованно, чем другие, потому, что хозяйственные и инженерные заботы лежат на плечах Сергея Мироновича Франкфурта, Ивана Павловича Бардина, а партийную организацию возглавляет выдающийся руководитель — Рафаил Хитаров.

Этих людей мы помним, мы гордимся ими, без этих имен нет истории города, нет истории Кузбасса!

Период становления КМК был по нынешним меркам довольно затяжным, но он остался позади. Только набрали силу и умение, а тут — война. Она-то и проверила сибирияков на прочность. Война была сурова и беспощадна не только там, где были окопы, где проходил передний край, но и в тылу. Роль КМК в войне поистине неоценима. В 1942 году комбинат давал 34 процента выплавляемого в стране чугуна, 25 процентов стали и проката.

Вот характерный эпизод тех уже далеких, но памятных дней.

...Поздно ночью 23 июня 1941 года нарком черной металлургии позвонил главному инженеру КМК Л. Э. Вайсбергу:

— Надо срочно наладить выпуск брони, — сказал нарком.

На размышления было дано полсутки.

В назначенный час Москве было отвечено:

— Можно варить броню и броневой лист катать можно. В принципе.

Нарком Тевосян обещал самолетом выслать чертежи специальных печей, предназначенных для выплавки военной стали, в Сибирь были откомандированы специалисты. Несколько дней спустя директор комбината Роман Васильевич Белан вызвал начальника первого мартеновского цеха Алексея Алексеевича Сахарова, инженера по спецсталим Ивана Петровича Зотенко и велел назавтра же ехать в Мариуполь перенимать опыт. Были дороги не только часы, но минуты, поэтому директор приказал:

— Явитесь к четырем. До Новосибирска

доберетесь на моем самолете, дальше тоже путь открыт — места заказаны по распоряжению сверху. Учитесь там хорошо и быстро. Нам некогда теперь слушать академиков в светлых аудиториях, у нас война на шее.

На следующий день инженеры в заводоуправлении с чемоданами дожидались команды. Однако ждали они напрасно — после пяти вниз спустилась секретарша Белана и передала слова «самого»: чемоданы распаковать, потому что под Мариуполем немец. А немец опытом не делится, он стреляет.

Наверно, вот тогда-то и зародилась мысль не дожидаться специалистов с запада, не дожидаться учителей, а попробовать варить броню в мартенах. Это соображение было доложено в Москву. Нарком Тевосян, человек крутой и горячий, сперва было склонялся к решению запретить всякие эксперименты — уже само намерение кузнечан выглядело абсурдным: в мировой практике подобного не встречалось и теория говорила, что такое невозможно вообще. Но чем черт

не шутит?! После короткого размышления «добро» все-таки было дано. Расчет был прост: пока монтируется специальное оборудование по чертежам, пока едут дальней дорогой в теплушках специалисты, которым предписано поставить новое дело в Сибири, пусть попробуют на КМК варить военную сталь. Броневая сталь пошла, эта весть сняла с плеч правительства одну из наиважнейших забот — ведь без брони нет победы. Она, победа, добывается не только техникой, конечно, но и голой рукой врага за горло не возьмешь. Захватчик наступал на первых порах с ошеломляющей быстротой и напором и огромную, поистине неимоверную тяжесть хозяйственных забот, взяли на себя Урал и Сибирь. И не стоит забывать: восток России справился со своей особой исторической миссией, рабочий класс Урала и Сибири решил задачу титанической сложности. Всех героев славной этой страницы в биографии КМК за неимением места мы назвать не можем, но стоит, наверно, особо отметить главного сталеплавильщика комбината

С. С. Гудовщикова, мастера-мартеновца П. Д. Никитина, сталевара А. Я. Чалкова. Кстати, Александр Яковлевич Чалков, в числе других ставший за операцию «броня» лауреатом Государственной премии, свои лауреатские деньги отдал на вооружение сибирской дивизии. Автоматы с надписью «Сибиряку от Чалкова» выдавались особо отличившимся.

В докладах по случаю торжественных дат новокузнецчане привычно уже говорят о том, что каждый второй танк на полях Отечественной войны был «наших кровей», что в пушках, самолетах и прочей сложнейшей военной технике был наш металл, что без КМК судьба страны была бы более неопределенной. Впрочем, и магнитогорцы говорят так же. И они правы. Что же касается славы, то сочтемся славою — ведь мы свои же люди!

Ну, а город военных лет?

Это был рабочий город, он не отличался ни стройностью, ни красотой.

Не надо думать, что был он отдан стихии

и самотеку с самого начала. Нет! На строительство жилья и объектов общественного назначения обращали самое серьезное внимание не только местные власти, но и виднейшие деятели партии и государства — всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, который побывал в Кузнецке и выступил перед рабочими: нарком Серго Орджоникидзе, тоже не оставлявший сибиряков без внимания. Михаил Иванович Калинин сказал тогда: «Нужно серьезно взяться за этот город» и превратить его в такой центр, «куда можно было бы съездить посмотреть не только комбинат, но куда было бы большим удовольствием съездить и посмотреть город».

Планы были широкие и дерзкие, да не успели мы их воплотить, не дали нам мирно пожить и поработать в свое удовольствие. Не дали враги!

Надо учитывать, что деревянные городушки вокруг заводов мыслились как временные. Верхняя Колония, Нижняя Колония, Болотная, Соколуха, Островская площад-

ка... Если, скажем, Верхняя и Нижняя колонии строились в свое время по плану, то остальное лепилось стихийно — народ прятал себя как мог от зимы с метелями и морозами. Прятал семьи и малых детей. Лето у нас короткое, зима же длинная и злая. Металлурги, шахтеры строились наспех, как бог на душу положит, вот и остались землянки да бараки стоять на десятилетия, потому что сперва была бедность, потом — война, а потом мы восстанавливали разрушенное народное хозяйство. Первые бараки — наследие Кузнецкстроя и более поздней поры — разрушались, помню, торжественно, обставлялось это событие музыкой и митингами. Теперь их рушат дачники — лес-то еще добрый. Рушат буднично и деловито.

...Рука моя, что держит перо, не хочет расставаться с Кузнецким комбинатом. Я люблю писать о той незабвенной поре, когда все только начиналось, о поре, известной мне по книгам, да по свидетельствам тех, кто еще жив и чья ясная память бережно

хранит по дням и по часам не такое уж и далекое, но легендарное теперь прошлое. Они, старики-ветераны, умели работать отрешенно, бескорыстно, подчиняя себя без остатка великой цели. О героизме тех дней сказано достаточно много и достаточно подробно, правда, с пробелами, но сказано. Историки и публицисты как-то скупно пишут о становлении личности новой, социалистической формации. Ведь мало пустить дымку или, скажем, прокатный стан, мало отрапортовать о победе, мало известить мир аршинной газетной «шапкой» о том, что построено и что пущено. После праздника наступают будни и на первое место выступает план — тонны, метры. Запсиб наш славится тем, что осваивал и осваивает новые металлургические мощности досрочно, я бы сказал, с изяществом и дерзким инженерным расчетом. Оно и понятно: Запсиб — это колоссальный опыт, накопленный дорогой ценой, потом и муками, всем народным хозяйством. За спиной Запсиба был, наконец, Кузнецкий комбинат, и он отдал на первых

порах молодому заводу лучших своих людей.

Кузнецкстрой был первым, и был он один среди немеренной сибирской земли. Тылом Кузнецкстроя являлся старый Гурьевский завод, доковылявший на неверных ногах до нового века. Он то закрывался, то открывался, но все-таки жил — тихой жизнью и с негромкой славой. Иван Павлович Бардин вспоминал, что в Гурьевске доменная печь загружалась с помощью лошади по кличке Ермак. Дело свое Ермак знал четко, умел увертываться от огня, но хвост его, однако, был постоянно опален.

Иностранные «спецы» с большой долей здравого смысла рассуждали о том, что вряд ли в обозримое время Кузнецк с его необученным народом наладит металлургическое производство во всех его звеньях. Я уже об этом говорил. Хочу подчеркнуть особо: пора становления действительно получилась затяжной, мучительной. Мы не умели вести технологические процессы на уровне мировых стандартов, не умели командовать и управлять, нас захлестывали стихия

и анархизм. Сколько было на комбинате всяких реорганизаций, несчетные часы и дни были потрачены на поиски самых коротких и самых верных путей, ведущих к успеху. Комбинат набрал настоящую силу в самый канун Отечественной войны. А что такое общий успех, в чем его главный секрет? Успех — это люди, это творчество, умение, непрерывный поиск без корысти. Алексей Максимович Горький говорил, что наш народ необычайно талантлив, и первые годы индустриализации показали, на что способен раскрепощенный человек. Это время породило гигантов. Их были тысячи, десятки тысяч во всех областях деятельности, и в металлургии — само собой.

Лично я не видел Лаврентия Кузьмича Ровенского, но слышал о нем много и от разных людей, кое-что читал. Человек он был на заводе заметный, но, странно, сведений о нем плачевно мало. Мне рассказывали ветераны, что Ровенский прошел школу на заводах юга, и начал он свой рабочий путь еще в те времена, когда хозяин завода

имел привычку ходить по своей железной вотчине с плетью и употреблял ее без оглядки и сомнения. На Кузнецкий завод Лаврентий Кузьмич был послан для помощи в предпусковые дни и для организации доменного дела, одно, довольно короткое время он исполнял обязанности начальника цеха, потом же стал обер-мастером, «наркомом доменных печей». Это был самородок, который брал «нутром», опираясь на громадный опыт и природную сметку. Он существенно помог новому заводу в самую трудную пору, когда производство как таковое только начиналось, когда только нащупывался стиль, и память о Ровенском для КМК свята.

Или возьмем бригадира землекопов А. С. Филиппова. Имя это гремело на стройке, во-первых, потому, что дерзкий народ с лопатами вызвал на соревнование всех, кто копал тогда котлованы, а таких были тысячи, во-вторых, филипповцы первыми перешли на хозрасчет, в-третьих, первенства они так никому и не уступили. Вдумайтесь в эту цифру: звено бригады, состоя-

щее из четырех человек, на засыпных работах давало на каждого по 74, 46 кубометра, это больше десяти сменных норм, или 1126 процентов. И не столько сила стояла за цифрами, сколько русская сметка, удаль и опять же раскрепощенный труд. Кто-то назвал А. С. Филиппова человеком-экскаватором. Так его и звали, так его рекомендовали пионерам, перед которыми он выступал, будучи уже на пенсии, так его называли ораторы у могильного холма, когда хоронили знаменитого землекопа.

Помню, строили на том же КМК пятую доменную печь. Это был уже 1959 год. Комбинат расширялся и реконструировался. Работать было тесно, кое-где пришлось, как раньше, орудовать исключительно лопатами. И вот однажды появился на площадке знаменитый Филиппов. Походил он, посмотрел этак сурово на молодых ребят, а когда те ушли на обед, залез в котлован и сработал за час так, что комсомольцы ахнули: ничего себе, чуть ли не за всех норму дал! Кинулись благодарить, а старика и след простыл.

Почетные гости, прославленные хозяева. Космонавт А. А. Леонов и дважды Герой Социалистического Труда шахтер Е. И. Дроздецкий

Видел я Филиппова на Запсибе, когда он приезжал в составе делегации вручать на хранение и на почет знамя Кузнецкостроя — старое, выцветшее, побитое ветрами и морозами, вручал как эстафету от старого поколения новому. Он отдал нам знамя с наказом не ронять чести и множить народную славу.

— Не подкачайте, ребята! — сказал нам усатый, большой старик и вытер глаза кулаком. — Прошу вас, не подкачайте!

Вот таким я его и запомнил.

Когда я был мальчишкой, мне казалось, что знаменитые люди, имена которых утвердились в нашей памяти так же просто и естественно, как, скажем, названия улиц, площадей, речек и гор окрест, будут жить и работать вечно, и в том состоит главная примета и особенность города. Вот Буркацкий, например, Михаил Васильевич. Он приехал с юга молодым и простоял у марте-новских печей Кузнецкого комбината в общей сложности около 36 лет, приобрел репутацию одного из самых лучших сталел-

варов Сибири. Подсчитано, что Михаил Васильевич сварил в общей сложности больше трех миллионов тонн стали. Этого металла хватило бы на 150 тысяч тракторов, из этой стали можно было бы построить еще одно здание университета на Ленинских горах. Вот что может один человек, если он делает любимое дело. Герой Социалистического Труда М. В. Буркацкий воспитал много учеников, но самых достойных из них — Кузьма Федорович Шабалов, получивший звание Героя через восемь лет после своего учителя. Так утвердилось и прославилось плеяда замечательных специалистов Кузнецкой школы. Среди мартеновцев особо прославился еще М. М. Привалов, прошедший путь от подручного до главного сталеплавильщика страны.

Среди прокатчиков долгое время лидировал знаменитый И. А. Сомов, чуть позже нашу славу и нашу гордость представляли депутаты Верховного Совета, Герои Социалистического Труда сталевар Н. В. Коняхин и вальцовщик А. Г. Картавых.

Несправедливо будет не упомянуть здесь хотя бы кратко о блестящих инженерах и хозяйственниках уже советской школы, первых выпускниках красных вузов, ставших генералами промышленности. Из молодых, да ранние. Им, красным вузовцам, не оставалось времени для разгона и оглядки, они сразу же брали на себя тяжелую и ответственную ношу, потому что ее некому было тогда брать.

После С. М. Франкфурта завод и стройку возглавил Константин Иванович Бутенко. Это был, по единодушному свидетельству ветеранов, блестящий инженер, дерзкий в замыслах доменщик из тех, кто умеет брать ответственность на себя, он представлял из себя новейшую поросль руководителей большевистского толка. На двери его кабинета не висела табличка с указанием приемных часов и дней — он признавал одно правило: заходи, если прижала нужда, говори, и по возможности — короче. Бутенко не умел забывать. Кивнет: понятно! — и можешь уходить со спокойной совестью.

Будет уголь — слово сдержим. Герой
Социалистического Труда М. Н. Ре-
шетников с бригадой

Константин Иванович, второй директор, создал и утвердил новый стиль, деловой, четкий, ясный. А в те поры это было очень и очень важно.

Первую домну пускал Борис Николаевич Жеребин, тоже из молодых и начинающих инженеров. Он поднимался по служебной лестнице не быстро, но основательно: начальник смены, начальник цеха, главный инженер завода, и, наконец, директор. Сейчас Борис Николаевич доктор технических наук, преподает в одном из московских институтов.

К той же гвардии безусловно нужно отнести и Романа Васильевича Белана, директора военных лет, на долю которого выпала, может быть, самая сложная пора в биографии завода. Не стоит, наверно, здесь лишний раз говорить о том, какую опору и какую силу представлял в те годы комбинат для страны, для народа и для обороны и как велика была историческая ответственность сибиряков перед страной и перед самой историей, если хотите. О Ромane Васильевиче

Белане ветераны говорят, что был он строг, чересчур строг. А может, в ту пору иначе нельзя было? Может. Но ведь при Белане завод получал ордена — за выполнение и рекордное перевыполнение планов, за невиданную дотоле производительность труда. Из стали, выплавленной комбинатом в военные годы, можно было изготовить 100 миллионов снарядов, 50 тысяч тяжелых танков, 45 тысяч самолетов. Недаром же переходящие знамена Государственного Комитета Обороны остались во многих цехах завода на вечное хранение. Я это все к чему. Значит, умел работать и директор, покойный ныне Роман Васильевич Белан, и его имя навсегда останется в героической летописи КМК.

...В 1972 году завод праздновал сорокалетие. Мне довелось быть в тот вечер на торжественной церемонии в театре металлургов. Тогдашний секретарь парткома Анатолий Садовиков специально ездил в Москву и уговорил там знаменитого диктора Левитана записаться на пленку. Левитан

зачитал приказы Комитета Оборона, указы Президиума Верховного Совета о награждении особо отличившихся металлургов, призвал почтить светлую память тех, кто не вернулся с фронтов Великой Отечественной войны, кто лег за нас на подступах городов, на берегах рек, на безымянных российских полях. Когда пленка с записью была запущена, в зале наступила какая-то особенная — тревожная и настороженная тишина, потому, наверно, что многие въяве, необычайно остро, почувствовали войну, многоликую ее и длинную беду, ее суровый оскал. Когда люди в зале вставали, а потом садились по команде из президиума, в торжественной и печальной тишине я вдруг услышал нежный перезвон. Так, наверно, звенели издали малиновые колокольцы в старину на ямщицких дорогах. Что это? И я понял: звенят медали и ордена на парадных пиджаках ветеранов. Это печальный и нежный голос эпохи, пробившийся через годы и расстояния, это тихая музыка победы. И пусть она звучит для нас всегда!

Город Новокузнецк, повторяю и буду повторять, неотделим от КМК, потому что они родились вместе. Однако Новокузнецк славен не только сталью и рельсами, он дает стране алюминий, ферросплавы, горные машины, уголь, удобрения для сельских полей, лекарства... Дворец съездов в столице смонтирован из металлоконструкций, изготовленных в нашем городе, обелиск космонавтам на площади перед ВДНХ тоже нашей прописки.

Пишу и думаю: «Какой все-таки мощный и неохватный мой город Новокузнецк!» Вот только что закончил беглый рассказ о Кузнецком комбинате, надобно тотчас же, по логике вещей, приступить к Запсибу. Эти два гиганта загораживают своими широкими спинами горизонт и перспективу. Но есть же у нас и алюминиевый завод — не последний в отрасли, знаменитый завод с традициями и немалой славой. Алюминщики ведь тоже много сделали для победы и для укрепления народного хозяйства.

Этот завод было задумано строить близ

КМК по многим причинам. Ну, во-первых, цветной металлургии в Сибири не было вообще, а государственная стратегия настоятельно велела перемещать промышленность на восток. Во-вторых, ставить на Кузнецкой земле новое и важное предприятие было выгодно: рядом — энергетические угли, к тому же площадка была уже хорошо разведана геологами. В-третьих, Новокузнецк уже имел строительную базу и кадры. К 1940 году технический проект алюминиевого завода был разработан и утвержден, а на площадке вбит первый колышек, но война перепутала все планы, она заставила спешить, она заставила искать и находить выход из самых, казалось, тупиковых ситуаций. Однако в ночь на 7 января 1943 года пошел такой долгожданный и такой нужный оборот — алюминий. Очевидец пишет: «Люди кричали и пели, бросали вверх шапки, со слезами на глазах обнимали друг друга».

После войны завод был расширен, модернизирован и успешно работает вот уже более сорока лет.

Однако на первом плане в городе все-таки черный металл, потому что кроме знаменитого КМК (он стоит на левом берегу Томи), на правом построен и работает «младший брат» ветерана — Западно-Сибирский завод, который уже удостоился ордена Ленина за производственные успехи. Но об успехах чуть позже.

Какая же связь между КМК и Запсибом, на знамени которого теперь орден Ленина?

Самая прямая, самая кровная и самая непосредственная.

Обратимся снова к воспоминаниям начальника Кузнецкстроя Сергея Мироновича Франкфурта.

Это было зимой 1931 года. В кабинете начальника стройки заканчивалось совещание с горняками и геологами. Речь шла о перспективах развития рудной базы завода. До первого чугуна первой в Сибири мощной и современной домны оставалось еще полгода, хлопот было выше головы, строительство шло полным ходом, и ночью площадка была усыпана огнями: то горели

костры, возле них грелись и кипятили чай.

Иван Павлович Бардин, главный инженер, в тот памятный день мало сидел на месте, он вставал из-за стола, прижимался плечом к заиндевелому окну, стараясь угадать, что делается на площадке, и думал вслух. Думал он примерно так:

— Всякий знает: металлургические заводы рационально и экономически выгодно строить ближе к углю, чем к руде. А у нас ведь и руда есть. Уголь. Прекрасный уголь, это уж само собой. И все остальное в наличии: известняки, кварциты, доломиты, огнеупорные глины... Наш район самой природой создан для металлургических предприятий. Прав я или неправ, товарищи?

Главный инженер был, конечно же, прав, и присутствующие тогда в кабинете «спецы» и замотанные хозяйственники с надеждой посмотрели на Франкфурта: как, мол, Сергей Миронович, думаете, за вами ведь последнее слово, вы же — начальник, вы — всему голова?

Франкфурт ответил:

— Прикинем. Потом, может быть, и войдем с предложением туда, — и показал пальцем на потолок.

Начальник Кузнецкстроя писал в своей книге «Рождение стали и человека», как после пуска домны КМК был вызван для доклада в столицу. Он вез с собой деловые бумажки и кусок первого чугуна — самый дорогой подарок. «Человека из Сибири» слушали И. В. Сталин, Серго Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов. Здесь-то Сергей Минович впервые заговорил о строительстве нового завода. Речь его была аргументирована и доказательна:

— Нам ничего не надо будет брать со стороны, не надо будет загружать железнодорожные магистрали. Уголь, руда, нерудные ископаемые — все это у нас есть! Второй Кузнецкий завод будет иметь готовую строительную базу.

Франкфурта горячо и безоговорочно поддержал нарком тяжелой индустрии Орджоникидзе. Кузнецкстроевец возвращался из Москвы с важным заданием: подготовить

материалы и инженерные соображения по строительству нового металлургического завода рядом с Кузнецким. Сразу же было обращено пристальное внимание на Антоновскую площадку близ КМК. Уже в июне 1932 года сюда пришла геологическая партия под руководством П. М. Большакова и пробурила первую скважину у озера Кривого. От деревни Антоново изыскательская партия двигалась на восток и закончила свои работы у Костина болота. Данные были систематизированы в специальном отчете.

Попутно интересный штрих. На Запсибе работал Виталий Ильич Смит, который пятнадцатилетним мальчишкой помогал своему отцу-землеустроителю делать съемку Антоновской площадки. Он вспоминал:

— Однажды мы с отцом шли после работы ночной теменью. Под ногами у нас было хлипкое болото, а в небе полыхала малиновая зарница: выдавал металл Кузнецкий комбинат. Отец сказал: «Придет время, и здесь будет завод, загорится, сынок, и наша зарница».

Отец погиб в 1942 году под Стрельней. Сын же, когда узнал о начале строительства на Антоновской площадке, тотчас приехал в Новокузнецк (он работал энергетиком на Шалымском руднике) и дождался зарницы за отца и за себя.

Многие дождались своей зарницы.

Однако вернемся к истории.

Экономические расчеты, сделанные плановиками Кузнецкого комбината, заключение геологической партии, представленное позже, позволили Сергею Мироновичу Франкфурту с полным основанием уже в сентябре 1932 года на Пленуме ЦК партии внести предложение о строительстве в Кузбассе еще одного завода с полным металлургическим циклом.

1 августа 1933 года в город приехал Серго Орджоникидзе. Вместе со здешним руководством нарком осмотрел Антоновскую площадку и на другой день, выступая перед партийно-хозяйственным активом, сказал:

— Строители являются великими героями Советского Союза, во втором пятилетии на

этих строителей ложится задача вдвое большая. Вы кончите этот Кузнецкий завод и начнете строить еще больший завод рядом, здесь же.

Первый колышек вбить на Антоновской площадке намечалось ориентировочно в 1934 году. В центральной печати замелькали сообщения о новом металлургическом гиганте на востоке страны. В январе 1934 года на XVII съезде партии по предложению сибирской делегации было признано целесообразным включить в план пятилетки сооружение еще одного завода на Кузнецкой земле — вагоностроительного. Многие планировалось тогда. Возле металлургии мыслилось развивать машиностроение. Конечно же, в планах отводилось место и жилью. Всего, по расчетам, на Антоновской площадке должно было жить около 60 тысяч человек. Но планы планами, а обстоятельства и реальные возможности диктовали свое. По ряду причин международного и внутреннего порядка в 1935—1937 годах ассигнования на расширение тяжелой ин-

дустрии были резко сокращены. В Германии к власти пришел Гитлер, а фашизм — это война. Однако уже в 1940 году правительство вновь принимает решение начать закладку завода рядом с КМК. И снова чертежи легли на архивные полки. Новому заводу положительно не везло! Но намерение все-таки оставалось в силе на будущее. Больше того, Запсиб пытались строить даже в самый разгар фронтовых баталий, но откуда в те суровые дни было взять людей, технику и средства? Он был необходим, этот завод!

Мне всегда казалось, что я легко ориентируюсь в материалах, связанных с историей города, начиная с первых пятилеток и до наших дней. Написано о том немало, да и сам кое-что видел и слышал, как и всякий старожил и, значит, патриот. Один журналист жаловался мне недавно, что, дескать, к сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне все собрано и все сказано и мы начинаем повторяться. Надо, мол, искать новые повороты. Я с ним не

согласился: не повороты надобно искать, не изощряться особо в приемах изложения, но искать новые факты, потому как мы часто в спешке и суете сшибаем лишь верхушки. Мы, если прибегать к сравнению, похожи на археологов, которые сняли лишь верхний культурный слой, а под ним — еще немеренные глубины. Вот вам пример. Открываю журнал «Наука и жизнь» (первый номер за 1985 год) и там нахожу статью заслуженного строителя РСФСР М. Ходоса «Ледовая переправа». М. Ходос рассказывает о том, как зимой 1942 года (вдумайтесь: зимой 1942-го!) строилась переправа через Томь, чтобы по кратчайшему пути перебрасывать строительные материалы и оборудование на Ангиновскую площадку, где снова (в который уже раз!) решено было строить металлургический завод. Что это была за переправа? Задумка вроде бы простая и надежная — уложить на замерзшую реку железнодорожный путь и гонять по нему груженые и порожние составы. Однако кузнецкий комбинат спускал

теплые воды, которые подтачивали лед, поэтому простое с виду дело стало сложнейшей проблемой. Однако люди сознательно, в силу жестокой необходимости, шли на риск ради выполнения государственной задачи.

Я не стану здесь излагать подробности, я лишь назову несколько фамилий, и пусть эти имена и фамилии займут свое место в нашей летописи о доблести, о мужестве, о славе.

На ледовой переправе работали в основном женщины — эвакуированные из центральных и южных областей страны и вербованные. Особо отличились бригады Татьяны Комиссаровой и Галины Локтевой. Это, по теперешним понятиям, были комплексные бригады, и выполняли они, по существу, все строительные работы. Они переносили все — и неустроенность, и не слишком сытое житье, и тяжелейшую работу. Руководил этой не совсем обычной операцией управляющий трестом «Сталинскпромстрой» Н. Г. Кратенко.

В 1943 году Государственный Комитет Обороны принял решение Запсиб отложить и сибиряков-строителей срочно перебросить на восстановление сталинградского металлургического завода «Красный Октябрь».

Где теперь те, кто в 1942 году начинал разворот на Антоновской площадке? Где молодые тогда инженеры Эдуард Оржиховский, Геннадий Курдюков, Вера Соболева? Где боевые женщины из бригад Татьяны Комиссаровой и Галины Локтевой? Наверное, нет-нет да и вспомнят иногда мучительную ледовую эпопею. И мы о них будем помнить с душевным теплом и благодарностью. Будем помнить!

1 июля 1951 года начальник технического отдела Кузнецкого комбината Георгий Ефимович Казарновский получил из Москвы телеграмму: «Телеграфируйте возможности использования Антоновской площадки в прежних границах. Гипрометз. Орлов».

Через три дня из Сталинска ушел ответ: «Положение Антоновской площадки без изменения. Казарновский».

Теперь, кажется, все начиналось снова и уже всерьез.

Еще две даты.

28 июля 1952 года государственная комиссия подписала акт о строительстве Западно-Сибирского металлургического завода, а в мае 1957 года на Антоновскую площадку пришли первые строители.

Иные времена, другие песни.

Если КМК строила вся страна — с натугой и немалыми жертвами, — то Запсиб был лишь одной из сотен новых строительных площадок. Рождение металлургического завода с полным циклом — событие нерядовое, но в шестидесятые годы уже и не чрезвычайное.

Вот сравните.

«Барак напоминал внутренность непросушенного мешка — был он узок, темен, под ногами хлюпала вода. Ночами мучили клопы, от которых не было ни спасу, ни отбоя».

Так вспоминал про свое житье-бытье на Кузнецкстрое горновой Лукьян Викторович Селицкий.

«До пуска домны вырос огромный поселок, он стал новым районом Новокузнецка. Здесь было уже около 400 тысяч квадратных метров жилой площади со всеми атрибутами культбыта».

Так писал про Запсиб и Антоновскую площадку Иван Михайлович Звездов, начальник Главкузбасстроя.

Были, конечно, первые колышки на пустырях, стояли и палатки, но жили в тех палатках недолго — были они натянуты скорее для доброй романтики. Но ошибочно и неправильно будет утверждать, что все давалось теперь легко, что все соответствовало планам да исходящим сверху бумагам. Первопроходцы и здесь хватили лиха, досталось и на их долю в избытке неурядиц, сбоев и нервотрепки. Но с самого начала четко прослеживалась стратегическая линия: поселок — промышленная база — завод. Строители называли промбазу и поселок тылом, откуда начиналось основное наступление — к первому коксу, чугуну, стали и прокату. Был у Запсиба еще один тыл —

Кузнецкий металлургический комбинат, откуда Антоновская площадка брала квалифицированных рабочих и инженеров, специалистов высокой руки, потому-то, в частности, Запсибу удалось, как, пожалуй, никакому другому заводу-новостройке, так быстро, так четко и даже красиво выйти на плановые показатели и вскоре превзойти их.

27 июля 1964 года в Новокузнецке состоялся праздничный спектакль, единственный, пожалуй, в своем роде: двадцать восемь спортсменов Кузнецкого комбината, двадцать восемь молодых металлургов, по переменке, эстафетой, несли на правый берег Томи факел, зажженный на первой домне КМК старейшим горновым Лукой Тарасовичем Герасимовым. Это был великолепный кортеж. Впереди со знаменем катило шесть мотоциклистов, спортсмены бежали мимо густых толп, стихийно собравшихся на улицах. На Запсибе факел принял обер-мастер Алексей Семенович Дементьев, он и западил огонь на домне Западно-Сибирского. С тех пор немало воды утекло и не-

мало сработано. Завод уже имеет твердую репутацию одного из передовых в отрасли, с 1979 года он стал давать ежегодно 7,5 миллиона тонн стали, каждую минуту прокатные станы здесь выдают десять тонн проката (свыше двухсот профилей и размеров), который поступает в пять тысяч адресов.

Характерной и отличительной особенностью завода как нового металлургического предприятия является сооружение, говоря языком специалистов, металлургических агрегатов с наивысшей единичной мощностью. И все уникальные в свое время коксовые батареи, аглоленты, доменные печи, прокатные станы освоены молодым и дерзким коллективом досрочно. Запсиб давно и по всем статьям обогнал своего старшего брата на левом берегу — Кузнецкий комбинат. Это немного грустно, но что поделаешь — постарел ветеран, износился; и железо ведь устает! КМК реконструируется, программа рассчитана на многие годы, но и обновленный, он уже не сможет сравниться по мощи с Запсибом, предприятием совре-

менным. Но вот качество продукции — другая, как говорят, статья. В этой области у заводов соперничество серьезное, соревнование острое и, думаю, не будет ему конца.

Случается, просят:

— Покажи товарищам Запсиб, ведь ты его знаешь!

Должен вроде бы и знать — ведь на стройке работал чуть ли не с первого дня, — да не знаю. Во-первых, потому, что редко теперь бываю на Антоновской площадке, во-вторых, завод до сих пор растет и меняется — иногда разительно, если смотришь на него с разрывом в несколько лет. Приходится отвечать в том духе, что сопроводить делегацию я не прочь (самому интересно!), а гда попросим в заводоуправлении — там есть специальные люди, которые водят и показывают. Делегаций всяких приезжает много — и опыт перенимать едут не только из Союза, но и из-за рубежа: школьники города и области хотят увидеть и почувствовать, как делается металл; и

журналисты не обходят завод стороной, и снабженцы отовсюду съезжаются и слетаются... Посторонних лиц, словом, всегда много, и, чтобы не отрывать заводских специалистов, заведен такой порядок — пусть гид занимается этим хлопотным делом. Рассказать есть о чем, и показать есть что.

Запсиб — моя молодость, со мной были товарищи, теперь уж седые, их мало осталось в городе — иных уж нет, а те далече. Судьба раскидала нас, разлучила на долгие годы или уж навсегда, поэтому у меня всегда щемит сердце, когда я бываю на Запсибе и в поселке. Те двухэтажные дома, где мы работали, уже сносят помаленьку. В темном особнячке, где в свое время размещался партком стройки, комитет комсомола и редакция многотиражной газеты, теперь, если не ошибаюсь, отделение милиции. Редакция занимала комнатушку на первом этаже, сидели мы там втроем и писать нам не давали заезжие корреспонденты. Мы даже как-то — и в шутку и в серьез — вывесили на двери расписание, когда и в какие часы

принимаем центральную прессу и на какие вопросы готовы ответить. Стройка, что ни говори, была знаменитая, и газетная братия нас стороной не обходила. Тогда мы всех знали, все знали нас. В столовой во время обеда можно было встретить любого, кого хотелось и кого не хотелось, — от директора завода (а завода еще не намечалось) до бригадира, портнявшего аппетит жалобами. Эти жалобы имели характер некоего заклинания, его можно было вполне высечь на камне и повесить перед глазами управляющего трестом Николая Трифионовича Казарцева: раствора не подвезли, кирпича не подвезли, чертежей нет и люди сидят третий день. Вот в те-то времена, по приказу или собственной инициативе, мы сопровождали делегации, вывозили их в чистое поле, останавливали автобус на проселочной дороге, возле полей с небогатыми совхозными овсами и показывали: тут вот будет прокатный цех, тут вот — домна-матушка, ну а дальше — все остальное, насколько хватит равнины до самой воды. Потом стало еще легче

показывать — посреди поля специалисты, которым положено планировать и размечать, понатыкали фанерных щитов с кособокими и спешно написанными буквами — где краской, где химическим карандашом — «блюдминг», «мелкосортный стан», «конвертерный первый», ну и так далее. А поселок вкладывался на пяточке, где сейчас начинается улица Климасенко, ближе к горе. Зашагал сперва поселок в сторону города, вдоль дороги, потом разлился дальше, к Томи. Сейчас это целый район. Заводской, где живет больше ста тысяч новокузнецан.

Вспоминается разное и почему-то в основном веселое.

Мы как-то в своей газетке «Металлургстрой» напечатали фельетон. Не скажу наверняка, кто был его автором — Гарик Немченко или я, но там один нерадивый товарищ сравнивался с пожарником, и легкомысленно было сказано, что пожарники ведь в основном спят на службе — горит-то у них не часто. Эта фраза, конечно же, не совсем, наверное, спрavedливая, но традиционная.

Сибирский металлургический институт — наша слава и наша гордость. Один из первых вузов социалистической Сибири

навлекла на нас немалую беду: в редакцию каждый день стал наведываться начальник пожарной охраны, мужичок весьма дотошный и с постно поджатыми губами. Он не скандалил, не разоблачал, но на лице его был написан такой упрек, такая скорбь, что при виде этого человека было стыдно жить и смеяться. Начальник тихо требовал, чтобы мы буквально в следующем номере дали опровержение, где было бы сказано четко о том, что пожарники на службе не смыкают век ни на минуту и бдительно охраняют социалистическую собственность. У нас, мол, есть чему гореть, но не горит же! Что ему ответить?

После мучительных переговоров компромисс все-таки был найден: мы начали печатать длинные статьи о пожарной безопасности. Эти статьи, наверное, принесли свою пользу. Поистине нет худа без добра!

Вспоминаю с теплом первого начальника строительного управления Михаила Абрамовича Нухмана, на долю которого пришлось самая большая тяжесть неустроен-

ности первых месяцев. Ему судьбой были предписаны лишь малые победы. О тех победах не знал никто, зато о поражениях писала пресса много и в сильных выражениях. Пресса не раз и не два приковывала Ми́хана́ла Абрамовича к позорному столбу, журналисты как-то не брали во внимание или не хотели брать во внимание, что замах на Антоновской площадке с самого начала был поистине вселенский, а сил и средств для такого замаха поначалу отпущено не было. Стройка эта начиналась, увы, по старому шаблону: сперва трудности создавались, потом мы их преодолевали с настоящим порой героизмом. Со стройки бежала молодежь. Задним числом понимаю, что иначе и быть не могло: не все герои и никто не хотел терпеть бесконечные неувязки и копеечные заработки.

Уехала как-то вроде бы на побывку в Москву славная девчушка Светлана Гороявая. Уехала и не вернулась. Мы с Гариком Немченко, составляющие тогда весь штат многотиражки, написали в «Комсомольскую

правду — статью, не статью, а этакое лирическое письмо-обращение к беглянке. Ты, мол, покинула товарищей, а им лихо — стоят у нас теперь холода, подружки твои — каменщицы — мажут носы гусиным жиром, чтобы не обморозиться, но скоро и к нам придет весна и гора над поселком обольется зеленью; мы будем строить дома и улицы, пускать важные объекты без тебя. Если ты надумаешь вернуться, мы встретим тебя с открытым сердцем, если же останешься в благополучной Москве с мамой, мы вышлем тебе твои брезентовые верхонки, которые ты оставила на подоконнике в общежитии. Вышлем на память.

Горовая не вернулась, зато вместо нее на стройку потоком хлынули девушки со всего великого Союза, чтобы восполнить потерю. Кто хотите ехал, только не было почему-то среди этой приятной публики строителей. Ехали повара, учителя, портнихи, мороженицы, обувщицы, продавцы. Каменщиц или штукатуров не имелось в наличии. Что ты будешь делать?!

Каждое утро у нас в редакции начиналось с сакраментального вопроса:

— Что же предпринять?

Комсорг стройки Слава Карижский хватался за голову. Многократно звонил в редакцию управляющий трестом (на площадке был уже трест) светлой памяти Николай Трифонович Казарцев. У него был густой бас и трубка буквально готова была взорваться возле моего уха. Николай Трифонович только выглядел грозным, в сущности он был широким человеком и не помнил обид.

— Редактор! — гремел управляющий. — Я тебя прикажу выдрать.

Но мы же хотели как лучше!

Николай Трифонович своим подчиненным, а также субподрядчикам «отпускал» девушек, которые откликнулись на наш зов по чистому душевному движению, буквально в нагрузку. Вызывал, скажем, начальника управления и приказывал генеральским тоном (это он умел — приказывать!):

— Десять возьмешь, много не даю — жалею тебя до слез.

— А куда я с ними?

— Этого я, дорогой-хороший, хоть ты меня убей, не знаю!

Мы с Гариком Немченко чувствовали себя в те роковые дни очень неуютно на родной стройке.

Но все прошло, перемололось, и была мука. Многие из приехавших нашли свою дорогу, свою судьбу, обжились, обзавелись семьями и сейчас уже имеют внуков.

...Мы встречали на Антоновке комсомольцев-добровольцев, которые приезжали в Сибирь строить, мы встречали демобилизованных солдат, мы были свидетелями самых первых значительных событий на промплощадке, а после и на заводе. Все это теперь позади и ушло, подернулось дымкой забвения. Люди стареют, а завод — Западно-Сибирский металлургический, он еще строится, расширяется, модернизируется, и работе по совершенствованию производства нет и не будет конца. Человеку молодость

не вернешь, заводу ее вернуть можно и должно, иначе производство неумолимо начнет отставать от современных задач. Отставать никак нельзя. Запсиб не должен повторить героической, но и печальной судьбы КМК, которому дали постареть.

Когда-то академик Иван Павлович Бардин мечтал о том, чтобы наша страна построила сорок доменных печей. Имея сорок современных печей, считал Иван Павлович, мы по производству чугуна, а значит и стали и проката, выйдем на самые передовые рубежи, встанем вровень с Америкой, безусловно обгоним Германию и другие развитые европейские страны. Сейчас, когда пишутся эти строки, только в Новокузнецке работают восемь домен (пять на КМК и три на Запсибе), а всего в стране их наверняка больше ста, однако сегодня и это не предел. Построены, смонтированы и действуют в Союзе уже домы-сверхгиганты объемом в 5000 кубометров. А когда-то, совсем недавно, запсибовская печь в 3000 кубов была самой мощной в стране. Такова

ВОКЗАЛ
НОВОКУЗНЕЦК

металлургия сегодня, такова явь, которая лишь десятилетия назад была мечтой.

...Листаю страницы многотиражной записовской газеты «Металлургстрой». Подшивка старая, за 1960 год. Бумага пожелтела и крошится по углам.

«Мы твердо решили построить свою жизнь здесь, на Западно-Сибирском. Окончим строительство, будем металлургами. Широкая у нас дорога, товарищ полковник! Гвардейцы не подведут!»

Такое письмо отослали 16 января вчерашние солдаты своему командиру. Это нечто вроде воинской клятвы, и ее подписали одиннадцать человек — Сергей Голубятников, Евгений Губанов, Петр Мологин... «Интересно, — думаю я теперь, — что из этих ребят получилось в итоге? Где они и что с ними? Будет время, пойду по старому следу, найду тех, кто остался на Антоновской площадке, и расскажу про них все как есть. Это же очень интересно!»

...Комсорг бригады арматурного цеха Екатерина Прилепская сообщает в своей боевой статейке, что план октября они выполнили аж на 157 процентов и что дальше они будут работать так же или еще лучше.

...Листаю старые газеты. Знакомые фамилии. На целую полосу давали мы отчет комсомольского секретаря стройки Вячеслава Карижского, мелькает кое-где фамилия его заместителя Юрия Юшкова. О последних я кое-что знаю. Карижский живет в Москве и должность имеет высокую — генеральный директор объединения «Госцирк». Чуть ли не министр! Да и Юрий Юшков не ударил в грязь лицом — тоже генеральный директор объединения предприятий тяжелого машиностроения в Красноярске. Бригадир монтажников — то была знаменитая бригада! — Николай Шевченко — первый секретарь горкома партии в Старом Осколе.

Вот какие соколы вылетели из запсибовского гнезда!

Большая стройка — это, конечно же, шко-

ла, те самые университеты, пройдя которые, человек приобретает опыт, ничем не заменимый. И потом учтите, я назвал тех, кто попал на глаза благодаря газете, а ведь таких, талантливых и дельных, десятки, сотни, тысячи дала стройка, дал завод, дал стране Кузбасс. Эти люди — золотой фонд народного хозяйства.

Будет несправедливо, если я не скажу несколько особых слов о директоре Запсиба, ныне покойном Леониде Сергеевиче Климасенко. В печати его уверенно называют первым директором, однако, он не первый по счету — второй. До Климасенко был В. Д. Смирнов, который, по существу, имел дело, как и вся его контора, с технической документацией — ведь на том месте, где должен был стоять Запсиб, еще, как говорят, и конь не валялся. А вот организация производства, пуск цехов, государственный план и все, что неизбежно с ним связано, то есть самое трудное и хлопотное, это легло на плечи Леонида Сергеевича, на «деда», как его ласково звали между собой все на заводе.

В любом кабинете большого или малого начальника, большого или маленького цеха, обязательно висит портрет «деда». На фотографии он в кепке с длинным козырьком и улыбается. В жизни, правда, он редко улыбался, захваченный будничной круговертью, был он крут, но и справедлив, он по сути своей, по характеру, остался комсомольцем, сохранил деловой и неистовый стиль тридцатых годов. Этому стилю свойственна прямота, искренность и великая преданность делу. Славой Леонид Сергеевич был не обижен и раньше, когда работал на КМК начальником мартеновского цеха и главным сталеплавильщиком, но особую славу, особый почет и любовь металлургов он заслужил на Запсибе. Здесь он стал Героем Социалистического Труда. Здесь, на Антоновской площадке, в Заводском поселке, его именем названа улица.

Что это был за человек? Всего две детали.

В те времена, когда новый завод еще проектировался, по предварительным наброскам и по традиции мыслилось строить мартене-

новские цехи. Почему по традиции? Бытовало у нас мнение, что конвертеры, которые начинали предпочитать в европейских странах и особо — в Японии, не способны варить высококачественную сталь. Они, конечно, намного производительнее мартенов, но зачем гнаться за количеством, если в современной технологии на первое место ставится качество: лучше меньше, да лучше. Но именно Леонид Сергеевич Климасенко, сам мартеновец, вопреки авторитетам, вопреки устоявшимся представлениям, настоял на конвертерах и оказался прав: мировая практика последнего десятилетия показывает, что у мартенов, несмотря на славное прошлое, пожалуй, нет будущего. Это сейчас просто об этом говорить, а в шестидесятые годы утверждение подобного рода вполне могло сойти за крамолу, а отстоять такую точку зрения было совсем непросто. Леонид Сергеевич выиграл тогда бой, опираясь на свою недюжинную инженерную эрудицию, на высокую профессиональную культуру.

Вторая деталь.

Встретил я знакомого. Был он аспирантом-заочником на кафедре философии Московского университета. Поговорили о том о сем, как полагается. Аспирант сказал между прочим, что летел на сессию в самолете, сидя рядом с директором Запсиба.

— Я греческих мыслителей штудировал по учебнику — времени студенту, сам знаешь, всегда не хватает. Смотрю, директор в книгу мою косится. «Чего ты в этом понимаешь!» — думаю про себя. Выяснилось: понимает, мифологию знает лучше меня, древних философов как семечки щелкает. Я учебник закрыл и до самой Москвы этого человека слушал, уши развесив. Откуда это у него? Когда успел? Удивительно!

Удивительно, конечно. Но те, кто знал директора ближе, не удивлялись, просто понимали, что перед ними настоящий интеллигент с неохватным кругозором. Таких теперь мало. Да и всегда было мало.

Вот те несколько слов о директоре, именем которого названа улица в Заводском поселке на Антоновской площадке.

У металлургов в нашем городе есть музей, он принимает экскурсии. Школьники и гости издалека путешествуют среди действующих макетов и слушают подтвержденные документами факты об особой, поистине выдающейся роли Кузнецкого комбината в истории социалистического государства. А вот шахтерских музеев у нас нет, и мало кому известно, что Кузбасс в военные годы поставлял на заводы страны две трети коксующихся углей, и не только кузнецкая сталь спасла нас и оборонила, но и уголь спас — дал пар, дал электричество, дал хлеб котлам и донам и согрел, наконец. Экскурсоводы в Доме техники металлургов, в музее, осторожно говорят:

— Если бы не наша сталь, то положение на фронтах могло сложиться совсем катастрофически.

Надо бы обязательно добавлять:

— Если бы не уголь Сибири...

В 1913 году Кузбасс давал 774 тысячи тонн угля, что составляло 2,7 процента от

общероссийской добычи, к концу же первой пятилетки (в 1932 году) мы давали уже 7,4 процента общегосударственной добычи. Это значило, что постепенно, но и довольно масштабно центр тяжести добывающей угольной промышленности смещался на восток. Кузбассу суждено стать, и скоро, топливной базой номер один. К тому есть все предпосылки, а главная из них — уникальность месторождений, залегающих в нашей земле. Я уже говорил о том, что в городе сейчас работают двенадцать шахт и два разреза, и дают они в год около 20 миллионов тонн топлива. Но все это — наше сегодня, а что было в недалеком вчера?

Для наглядности возьмем Орджоникидзевский район Новокузнецка — район шахтерский, добывший за время своего существования 305 миллионов тонн «черного золота». Это тот самый район, кстати, который открыл по нантию плотницкий ученик Томского железоделательного завода Я. Ребров. Самая, пожалуй, старая теперь шахта — имени Орджоникидзе (она в Куйбышев-

ском районе города), с нее начиналось освоение угольных залегающих на современном уровне, а новый район Абашевско-Байдаевского куста начал осваиваться в канун Великой Отечественной войны. Итак, что же было здесь раньше?

В 1909 году кабинетный штейгер (горный мастер) некто Венюков основал Абашевский рудник на правом берегу Томи, в пятнадцати километрах от старинного Кузнецка. Уголь помалу ковыряли сверху, выбирали ту часть пласта, которая не требовала крепи. Работали зимой, по весне же, когда ломался лед, грузили добычу на баржи и отправляли потребителям — на паровую мельницу Соколова, на спирто-водочный завод и дальше, на Томский завод, выплавляющий железо. Вот вам и весь разворот. Перед революцией худосочная эта лавочка была прикрыта вероятней всего потому, что овчинка не стоила выделки.

В 1931 году изыскательская партия Западно-Сибирского геологического треста под руководством И. П. Звонарева по существу

открыла заново это месторождение, доказала его нужность и перспективность. Три года спустя начались здесь штольные работы, и пробы, взятые из пластов, показали, что уголь залегает как раз тот, что именно сейчас остро необходим, — уголь марки «ПЖ», пригодный для металлургии. То была добрая новость: ведь рядом, не за горами и долами, достраивался в судорожной спешке Кузнецкий комбинат. Завод при всех условиях не остался бы без хлеба в угольном краю, но на первое место, как и положено ставилась экономическая выгода: расстояние и время — тоже деньги. В 1937 году сюда пришли строители.

Что же открылось глазам первопроходцев? А ничего особенного: болотистые пустыри, заросшие цепким кустарником, да мутная вода в камыше. Зимой здесь, в пойме Томи, разгуливал пронзительный ветер, морозы подпирали под пятьдесят.

Трофим Васильевич Дегтев, бывший начальник планового отдела вновь организованного строительного управления, вспоми-

нает: «В начале 1938 года трестом «Куйбышевуголь» было начато строительство шахты «Байдаевская». За год было пройдено 90 погонных метров главной штольни по пласту № 4. На поверхности возводились один четырехквартирный дом и барак. Упомянутым домом, когда он был закончен, распорядились так: одну квартиру отдали под контору управления, вторую — под общежитие инженерно-технических работников, в третьей жил прораб Романданов, в четвертой же помещался магазин. Первое время начальник строительства, главный механик и я жили на постое у гражданки Буткеевой, спали на полу и кормили клопов, которых там было почему-то очень много, потом мы исхитрились и переоборудовали под жильё кубовую и прозябали в ней до мая 1939 года, зимой спали в ватниках, не раздеваясь, потому что градусник ночами показывал минус 16. Потом стало малость полегче...»

Можно было бы долго и подробно писать здесь о том, как строилась первая шахта на новом руднике, как проходчики шли под

землей с помощью лишь кайла да лопаты. За смену бригада брала полтора-два метра. По нынешним меркам производственный этот показатель выглядит смешным, но к 1940 году «Байдаевка» уже выдавала уголь, и в том же предвоенном сороковом году было отгружено главному потребителю — Кузнецкому металлургическому комбинату — 392 тысячи тонн. Такие темпы и по сегодняшним меркам достойны удивления, тем более что, повторяю, гигантский этот труд был совершен буквально руками, да еще лошадка помогла, многострадальная шахтерская лошадка, загнанная в темноту до скончания века. И учтите: это было совсем недавно, все это протекало на глазах наших отцов. Мускулистые и мозолистые руки решали успех дела, смекалка да феноменальное упорство. Потом — война. И опять — работа. Рекорды, аварии, голод и холод, но «Байдаевка», дети шахтеров и жены шахтеров, давали план, давали сверх плана во имя долга и для победы.

И предвоенная, и военная пора, да и годы

восстановления народного хозяйства (на западе страны оно восстанавливалось, у нас же расширилось и набирало силу) выдвинули повсеместно людей недюжинных, способных показать образцы трудовой доблести. Это были настоящие мастера-самородки, которых отличала великая преданность делу, смекалка и неутомимость. Машины ведь пришли в забой, под землю, не сразу. Все вершилось руками да тягой в одну живую лошадиную силу. В таких условиях первостепенное значение имели личные качества каждого, кто спускался на смену, и, конечно же, организация труда. Учитывались не только часы, но и минуты. Распорядок в хороших бригадах проходчиков и добычников сравним был разве что с вахтой на военном корабле, где каждый четко знает «свой маневр». Одним из первых мастеров скоростной проходки на новом руднике в Орджоникидзеовском районе стал бригадир проходчиков Иван Дементьевич Тузовский. Для этого замечательного человека не существовало задач неразрешимых — он все

мог, все умел и все преодолевал даже в тех случаях, когда испытанные его товарищи не верили в успех. Ивану Дементьевичу первому на новом руднике в 1948 году было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ветеран умер, его именем названа центральная улица в шахтерском поселке Абашево. И вот заметьте интересное совпадение: на улице Тузовского живут теперь ученик Ивана Дементьевича, тоже Герой, Иван Егорович Сизых, герой-шахтер Сергей Дмитриевич Нагорнов и дважды Герой Егор Иванович Дроздецкий.

Вот какая улица есть в Абашеве! Вся в золотых звездах.

Так начинался Орджоникидзевский район города, в котором живет сейчас около 70 тысяч новокузнецчан. Улицы района с севера на юг тянутся на девять километров, с запада на восток — почти на сорок километров. Здесь есть дворцы культуры, кинотеатры, магазины. Есть, словом, все, что положено иметь жилому массиву. Конечно, общая картина далека от идеала — нужны благоу-

роенные современные дома, больницы, надежный транспорт, связывающий шахтеров с городом, с его центром. Спешка прежних лет даст о себе знать до сих пор и будет она аукаться еще долго, ведь заглавная задача была — дать уголь, дать его немедленно и как можно больше. Остальное отодвигалось на потом, откладывалось до лучших времен. Само собой, основной и святой этой обязанности — дать уголь — никто не снимает с рудника, с его шахт и сейчас, но сегодня уже есть реальная возможность — не сразу, не единым махом, конечно, но поправить старые ошибки.

Все, сказанное здесь, в полной мере относится и к Куйбышевскому району Новокузнецка, тоже шахтерскому, созданному ценой великих усилий.

Кузбасс — край угольный, это всем и давно известно. Но не всем известно, что в Кузбассе, а точнее в Новокузнецке, впервые в мировой практике родился сперва в чер-

тежах, в теоретических выкладках и научных изысканиях, а потом и на практике, новый вид добычи ценнейшего сырья — гидравлический, что в Новокузнецке существует уникальный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт ВНИИГидроуголь. Фирма эта теперь весьма авторитетна не только в Союзе, но и за рубежом. Институт организовался с довольно четкой структурой в 1965 году и посвятил свою деятельность внедрению в практику прогрессивной технологии — разработки угольных пластов с помощью воды. В городе по проекту ученых и инженеров создана и успешно действует шахта «Юбилейная» с годовой производительностью 3 миллиона тонн. Оборудование для этого уникального и единственного пока в своем роде предприятия изготовлено в экспериментальных мастерских. В наши дни доказано, что гидродобыча имеет серьезные перспективы. Этот способ дешев, жизнеспособен, недаром же еще в 1974 году с новокузнецкими экспериментаторами заключили лицен-

зионное соглашение многие иностранные фирмы. Есть, кроме того, долговременное соглашение на продажу за рубеж принципиальных разработок института, который имеет в своем портфеле почти 300 авторских свидетельств. Теперь берется стратегическое направление — повсеместно внедрять там, где это, конечно, выгодно, гидродобычу на шахтах города, Кузбасса, страны, наконец.

Несколько лет назад по моей просьбе инженеры КМК подсчитали: если выстроить в цепочку вагоны, что за год уходят за пределы города только с металлом — чугуном, сталью, прокатом, рельсами, алюминием, то «голова» такого состава окажется где-то близ Киева, а «хвост» его останется у нас.

Во время Отечественной войны перебрались на Кузнецкую землю и остались навсегда заводы машиностроительный и металлоконструкций. Работают у нас завод ферросплавов, завод резервуарных конструк-

ГЛАВА

ЧЕМУ
РАССУ

АДМИ

ций, химико-фармацевтический... Одно перечисление того, что имеется у нас, займет немало места. Судьба и биография каждого такого предприятия, судьба и биография рабочих коллективов заслуживают подробного и проникновенного рассказа. Ведь многое здесь создавалось, что называется, с колес, станки и агрегаты начинали работать под открытым небом, ведь фронт не умел ждать!

Нельзя не упомянуть в этом ряду солидную строительную индустрию, представленную «Упрстройчерметом», управлением, объединяющим под своим началом специализированные тресты, занятые как созданием новых промышленных мощностей, так и реконструкцией старых, в частности, того же КМК. Развернуто и масштабное строительство жилья и соцкультбыта. Вот цифры: ежегодно строители осваивают у нас около 300 миллионов рублей, сдают более 240 тысяч квадратных метров жилья, или около 4500 квартир.

Старинный Кузнецк мало помог в свое

время первопроходцам индустриализации, во-первых, потому, что был несколько на отшибе от Бессоновской площадки, где начинался Кузнецкий комбинат, во-вторых, не мог даже частично разместить под крышей тысячи и тысячи рабочих, прихлынувших вдруг в эти места. В 1930 году на душу населения в новом, стихийно созданном поселке с торжественным названием Садгород приходилось по два метра. В Москву летели телеграммы: «Добейтесь срочной отправки палаток. Рабочие ночуют на улице». Сперва предполагалось, что рядом с Кузнецким комбинатом целесообразно ставить город с населением от силы в 22 тысячи жителей, потом эту цифру помножили на два, потом на три... Сейчас с Новокузнецком, насчитывающим почти 600 тысяч жителей, не могут сравниться многие областные центры.

Начну эту главу, наверное, не по порядку, не по степени, так сказать, важности. Глава эта — о культуре города, о науке и искусстве. Ведь не хлебом единым жив человек.

Писал я в свое время статью, посвященную 400-летию присоединения Сибири к России, и в той статье сетовал, что с культурой у нас пока не все в порядке: город, загруженный срочными делами государственного значения, просто не успевает в полном объеме заниматься, в частности, строительством объектов культурно-бытовых. Отстаем мы в этой области от европейской части страны, от старых городов, исконных центров национального уклада. Мы торопимся, расширяемся, растем пока за счет новых промышленных мощностей, модернизируемся. А рабочих рук не хватает. Я писал тогда: «Нечасто, но прохожу или проезжаю мимо хоккейной коробки на проспекте Строителей. Коробку реконструируют, исполняется вроде бы, наконец, голубая мечта города: будем мы иметь, кажется, крытый лед, но когда? На этот вопрос никто, по-

жалуй, не ответит хотя бы с малой степенью определенности. Когда-нибудь. Однако, если вы поинтересуетесь, почему рабочие опять забросили эту стройку, вам назовут веские и убедительные причины, а главная причина — есть заботы поважнее. А команда «Металлург» тренируется на чужих полях. От бывлой хоккейной славы Новокузнецка остались крохи».

У кого ведь что болит. У нас поклонников хоккея — весь город, от их имени и писал тогда с горечью и разочарованием. Но 22 октября 1984 года я стоял на трибуне в новом Дворце спорта и смотрел хоккей. Как раньше, как когда-то, в милое и благословенные времена, у меня спрашивали насчет лишнего билетика, как когда-то у касс стояла понурая толпа и терзала себя призрачной надеждой: вдруг окошечко откроется, из окошечка вежливо скажут: «Берите и спешите на трибуну». Не открывали и не говорили.

Может быть, наш Дворец и не самый лучший в стране, но он великолепен!

Болезьщик нынче другой, кажется. Поистине бразильский темперамент у нынешнего болезьщика, он вооружен медными трубами, даже барабан кто-то приволок. Шум висел оглашенный. Мы стояли тесно — кресел еще нет, но они будут. Многого еще нет, но со временем будет, потому что городские власти, в первую очередь партийные, взялись всерьез решать и спортивные проблемы.

...В пронзительных лучах светильников почему-то очень ярко, празднично даже, выделялись синие куртки, синие спортивные трико, в которые были одеты ребяташки. Будто маки по трибунам разбросаны красные вязаные шапки, как свежий снег, гляделись белые шарфы. Рядом монтажник, добрый и малость назойливый парень, все спрашивал: «Как думаешь, выиграют?» Противник был серьезный — известный клуб из Салавата. На выигрыш рассчитывать было трудно, да и мало смотрел я на лед: я заново окунался в тот, почти забытый мир страстей времен высшей лиги, когда

«Металлург», первая сибирская команда, взобрался по крутым ступеням на хоккейный Олимп, когда на нашем поле играли братья Майоровы, Локтев, Альметов, Александров, Мальцев, когда мы узнавали даже со спины, по походке узнавали, своих — Короленко, Григорьева, Беллоева, Заруцкого, Окишева. Это были корифеи!

Директор стадиона Василий Яковлевич Моргунов накануне, а то и дня за два до очередного матча «уходил в подполье», потому что публика преследовала его настойчиво и сердито — все требовали билет, контрамарку и вообще любую бумажку, позволяющую попасть на матч. Сидячих мест не существовало, крыши — тоже. Многострадальный и вездесущий болельщик, чтобы занять трибуну получше, валял на стадион, бывало, с утра. Это при сорокаградусном-то морозе! Пессимисты предсказывали, что деревянный стадион не выдюжит тяжести, поскольку публики набивалось сверх всяких норм, оптимисты отвечали, что дерево сибирское и оно потому просто обязано

выдюжить. Выдюжило дерево, но у директора Василия Яковлевича Моргунова седых волос тогда поприбавилось. Было замечено, что на Кузнецком комбинате в ночную смену падала производительность труда, когда «Металлург» проигрывал, и наоборот, — резко подскакивала, когда мы брали верх. Мужское население города без исключения, да и женское тоже, было трепетно предано своей команде, и любовь та не делала различия между шустрым сопляком и степенным начальником.

Конечно, хоккей не такая уж важная веха в биографии города, но ведь и из таких штрихов складывается его социальный портрет, воспитывается и дает крепкие корни чувство патриотизма и гордости.

Считаю нужным подчеркнуть, что новая великолепная коробка — действительно Дворец — появилась в результате усилий многих людей — проектировщиков, инженеров-строителей и, конечно же, рабочих, которые старались не за страх, а за совесть. Сооружение это непростое и недешевое, но

оно есть, и наши надежды иметь большой хоккей, фигурное катание и прочие виды спорта, связанные со льдом, имеют отныне вполне реальные основания. У нас как-то не принято говорить о роли городского комитета партии, когда мы имеем в виду достижения. Это вроде бы само собой разумеется: партии «по должности» положено радеть за общество. Так-то оно так, но, если разобраться, тот же спорт — забота не первого ряда и даже не второго. Всегда есть более важное и более неотложное. Бывший секретарь городского комитета партии Николай Спиридонович Ермаков, принимая, что называется, огонь на себя, сделал все возможное, чтобы город имел хоккейный храм: он повседневно и неотрывно следил за реконструкцией коробки, решительно шел к цели и достиг ее. Не он один. Правильно, не один, но, повторяю, он нес ответственность за все и брал эту ответственность на себя.

..Столкнулся я как-то в вестибюле гостиницы «Новокузнецкая» с работниками гор-

кома партии. Выяснилось, что они сопровождают московских скульпторов и вместе выбирают место на улицах и площадях Центрального района для бюста дважды Героя Социалистического Труда Егора Ивановича Дроздецкого, знаменитого шахтера, знаменитого бригадира шахты «Нагорная» с улицы Тузовского. Это первый в городе дважды Герой, и бюст его будет стоять где-нибудь на видном месте — по справедливости и по заслугам. Может, когда-нибудь (и в то время, надеюсь, недалеко) появится у нас и трижды Герой Социалистического Труда. А почему бы и нет? Поскольку никто не заказывал предел таланту и творчеству. Не перевелись и никогда не переведутся на нашей благословенной земле выдающиеся люди труда и культуры!

Штрих мимолетный, но очень характерный для города.

Но идем дальше.

В Новокузнецке все больше сосредоточивается научная, изыскательская и инженер-

ная мысль, представленная десятками проектных, и исследовательских институтов. Давно существует и успешно работает у нас Сибирское отделение Гипромеза, которое занимается проектированием новых предприятий черной металлургии и реконструкцией старых для всего огромного региона к востоку от Уральского хребта. Медицину представляют два института — Усовершенствования врачей (точнее — доусовершенствования врачей) и комплексных проблем гигиены и профзаболеваний. Последний создан, кстати, совсем недавно. В стране таких учреждений единицы.

Особенное место, конечно, в жизни города занимал и занимает Сибирский ордена Трудового Красного Знамени металлургический институт имени Серго Орджоникидзе. Заслуги этого учебного заведения поистине трудно переоценить, поскольку за полстолетия он дал народному хозяйству почти 30 000 инженеров не только для металлургии, но и для горной промышленности, строительства и транспорта. О высокой

репутации института говорят (и красноречиво!) такие цифры: 180 бывших «смичей» сейчас работают директорами и главными инженерами предприятий самого разного масштаба, 700 — начальниками цехов и главными специалистами. Среди выпускников 21 лауреат Государственной и Ленинской премий. Здесь работали и работают заметные ученые отрасли, с их помощью и по их открытиям внедрены в промышленность сотни технических новинок самого высокого толка.

Сегодня институт имеет мощную базу, обучает десять тысяч студентов. Город немислим без СМи, кажется, институт был всегда и за спиной у него чуть ли не столетия. Но вот как рисуют первые шаги СМи на Кузнецкой земле ветераны.

Летом 1931 года металлургическое отделение Томского политехнического института было скопом, как полк по тревоге, перевезено на площадку Кузнецкстроя. Перевезено в общем-то правильно: изучай, студент, теорию, а практика — она рядом. На

твоих глазах поднимается новый завод, и ты увидишь его, студент, от колыбели до самого первого дымка, от первого чугуна и потом уж до полного возмужания.

Все бы хорошо, да не возвели для вузовцев светлых палат, не приготовили им мягких постелей. Некому и некогда было этим заняться.

Вылезли студенты из вагонов, гурьбой прошлепали по грязи, расселись кто на чем и распалили костерок. К вечеру появился директор института товарищ Кононов и уже издали закричал, выкатывая глаза (темпераментный был мужик!):

— Чего расселись, лоботрясы? А ну, за дело!

Сперва и весьма короткое время, еще в Томске, директором нового учебного заведения был кооператор Брюховецкий, Кононов (имя и отчество его уже никто не помнит) ведал в Новосибирске сельскохозяйственным банком, потом вот бросили на просвещение. Существовала тогда такая уникальная категория деятелей — хозяйст-

венники. Они могли и умели все. Должны были уметь!

— Что же нам делать, товарищ Кононов?

— Бараки строить.

— Из чего строить?

— Мало ли у них тут лесу навалено!

— А разрешение есть?

— Я разрешаю. Берите, что на глава попадет, они и не заметят. У них тут великая запарка, понимаешь.

Студенты, лихая братва, отгрохали до морозов целых три барака. Где нахрапом брали, где обманом, где давили на сознательность. Являются, допустим, к прорабу и с места в карьер — за горло:

— Тесу нам!

— Какая организация?

— СИЧМ — Сибирский, значит, институт черных металлов. Слышали про такой?

Прораб или кладовщик про такую контору, конечно, не слышал.

— Так ить тес, он фондированный! — Слово было новое, модное и удобное, потому как пресекало всякого рода душевные кри-

Пушка, которая никогда уже не выстрелит, у городского краеведческого музея

183

ки и сушило слезы благородного негодования.

— Нам все зафондировано!

— Бумага есть?

— Бумага у директора. И нам некогда.

— Где же ваш директор?

— Занят. С Москвой на прямом проводе.

Серго Орджоникидзе в курс вводит.

Прораб или кладовщик не двигался с места и зачарованно следил за тем, как на глазах, словно бугор снега по весне, тает штабель пахучих сосновых досок, уносимых наглой оравой в неизвестном направлении.

— Дружные у вас хлопцы, кхе...

— Орлы!

— Оно заметно...

С миру по нитке — три барака: и жилье, и аудитории.

Учебный год начался почти без задержек.

Наверно, иначе бы ничего и не получилось: ждать нельзя, надеяться не на кого, а учиться — надо. Нынешним студентам нелишне знать и о том, что для наших отцов не существовало слова «невозможно».

Есть в городе Новокузнецке и педагогический институт, организованный и учрежденный вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Он выпускает в год 700 учителей для школ города и области. Это был первый в Кузбассе вуз гуманитарного направления. Недаром же из его стен вышли известные в Сибири писатели. Назову лишь нескольких: прозаик Владимир Мазаев, поэт-сатирик Владимир Матвеев, поэт Валерий Зубарев. Это — члены Союза писателей. Отсюда вышли и заметные литературоведы и критики, чьи имена не сходят со страниц периодической печати. Ну, а в просвещении, в общеобразовательных школах и профессиональных училищах знаменитых учителей — десятки, заслуженных деятелей просвещения и почитаемых в городе и области — сотни. Так оно и должно быть.

Двенадцать техникумов Новокузнецка дают ежегодно 3500 специалистов, командиров производства среднего звена, спрос на которых широк и постоянен, потому что

Кузбасс до сих пор ощущает нехватку рабочих рук, нехватку мастеров, бригадиров. 20 профтехучилищ готовят для заводов, шахт и строек тысячи молодых людей, дают им неплохую квалификацию самого широкого профиля. Но и тысяч нам мало, потому что мы до сих пор растем. И будем расти!

Помню времена, когда в городе был, по существу, единственный кинотеатр на уровне времени — «Коммунар». Билет купить даже на дневной сеанс было не так-то просто — немало надо было помыкаться в длинной очереди. Работал «Коммунар» с максимальной нагрузкой — последние зрители заходили в зал в одиннадцать часов сорок минут вечера. А уж если шел новый фильм, да еще приключенческий, где стреляли и скакали на лихих конях, пробиться на зрелище было затеей почти безнадежной. Правда, «крутили» фильм и в клубах, обычно в бараках. Лента рвалась бесчисленно раз, публика истово требовала, чтобы киномеханика

тотчас же отправили на мыло, однако никто не покидал своего места, обязательно ждали, чем же это все кончится. Это был не отдых, это была нервозность, но горожанин, уставший от войны и работы, был жаден до зрелищ, он хотел больше видеть и слышать.

Что сравнивать, как сказал поэт, век нынешний и век минувший! Теперь в городе 8 государственных кинотеатров, 24 профсоюзных киноустановки. Итого, значит, 32 зала. И не бараки — дворцы! Конечно, и сегодня бывают очереди за билетами, но так оно и понятно — значит, фильм хороший идет.

А что же касается «Коммунара», ровесника моего поколения (построен в 1932 году), то он реконструирован, подновлен теперь уже в третий раз и открылся снова в 1985 году. Мрамор, цветные витражи, простор, удобство. Модерн, последнее слово. Кому как, а мне так «Коммунар» по-прежнему нравится больше других кинотеатров, потому что он мой с детства, на его экране я смотрел фильмы про Чапаева, про рево-

люцию, в его зале я пережил трагедии, я побеждал в войне, плакал и смеялся. Мой «Коммунар» всегда рядом и дарит нам праздники как когда-то, давно.

У нас есть цирк, прекрасный цирк, он не испытывает недостатка в зрителях, потому что обслуживает не только Новокузнецк, но по существу все города южного Кузбасса. А когда-то... Когда-то, совсем недавно, нерегулярно приезжал к нам шапито и располагался в том месте, где сейчас построен крытый рынок со всеми его атрибутами. Но что было, то прошло.

К нам на гастроли и на концерты едут знаменитые ансамбли, именитые артисты, это, конечно, хорошо и правильно: Сибирь достойна уважения, она уже не окраина. Однако, Новокузнецк может блеснуть и собственными мастерами сцены. У нас есть драматический театр имени Серго Орджоникидзе, но есть и когорта самодеятельных артистов, которые приобрели выучку и раскрыли свой талант в дворцах и домах культуры Кузнецкого и Западно-Сибирско-

го металлургических комбинатов, у строителей треста «Кузнецкпромстрой». Недаром же трем этим коллективам присвоено звание «Учреждение отличной работы», а 17 групп художественной самодеятельности носят звания народных коллективов. Сколько выдано артистам дипломов разной степени отличий, сколько конкурсов пройдено на бис и с честью в разные годы, начиная с Кузнецкстроя,— не счесть. Все это записано в наш актив и в нашу историю. И еще запишется, в том нет никакого сомнения.

В городе работает музей изобразительных искусств, которому могут позавидовать самые старые города Союза, работает музей Ф. М. Достоевского, мемориальный музей академика И. П. Бардина, краеведческий музей. Дом книги. Все это, сложенное воедино, и составляет культурный облик Новокузнецка. Конечно, если судить по самому высшему счету, нам многого еще не достает, но, используя с полной отдачей то, что есть, Новокузнецк сможет войти в число центров самой высокой культурной значимости и

будет знаменит не только работой, не только заводами, шахтами, разрезами, фабриками и проектными институтами, но и художниками, писателями, артистами. Земля наша обильна талантами.

Несколько слов о спорте.

О хоккее я уже говорил. Это гордость и забота всего населения города. А сразу после Отечественной войны была особенно популярна и любима у нас классическая борьба, и тогда городские спортивные общества воспитали двух чемпионов мира — Владимира Манеева и Владимира Олейника. И это в те времена, когда в городе существовало и действовало три-четыре спортивных зала, теперь же их 114! Мы имеем четыре стадиона, пять плавательных бассейнов, и в одном из них, в «Запсибовце» — с 50-метровой ванной, — можно проводить соревнования союзного ранга. Однако достижения наши в области спорта, несмотря на внушитель-

ную базу, которой обладаем, пока еще весьма скромны.

Пришла пора, во всяком случае все основания к тому есть, когда наши спортсмены должны быть в числе олимпийцев и мировых рекордсменов, мы хотим гордиться тем, что умеем растить чемпионов, но пока нет опыта, традиций, нет воспитателей, способных «делать» чемпионов. Опыт — дело наживное. Будем, значит, ждать и будем надеяться. И надежды наши, верю, оправдаются в недалеком будущем.

Ехал я недавно из Абашево, задремал в автобусе, а когда проснулся, мне долго и навязчиво чудилось, что я в Москве и что автобус идет по Калининскому проспекту. Дело было поздним вечером, кругом разливались огни реклам, огни машин, троллейбусов, огни многоэтажных домов, которые уходили куда-то в черное небо, нарядно украшенное звездами. Было много людей на тротуарах, сквозь стекла автобуса, когда

Тайга. Она довет, она всегда красива

191

он останавливался, доносился слитой и могучий шум. Так, наверно, шумит близкий, но еще скрытый от глаз океан. Лишь минуты спустя я понял, что еду домой по улице Кирова, что позади остался мост через Томь и меня окружает новый район, выросший незаметно. Здесь архитекторы замыслили центр города с гранитной набережной Томи, с парками и скверами. Раньше здесь был торфяной пустырь и нескончаемые крыши землянок.

Хорошеем, растем...

Что же будет представлять из себя Новокузнецк в близкой и далекой перспективе?

В соответствии с генеральным планом, разработанным архитекторами и социологами, к двухтысячному году население города составит 750—800 тысяч, жилой фонд к концу века должен удвоиться. И дело не только в том, что население будет расти. Норма жилья на человека будет доведена к тому времени, согласно планам, до 12—15 квадратных метров. Заметим для себя еще раз: когда начинался Кузнецкстрой, мы

имели лишь два метра на душу. О том стоит помнить!

Сибирь вроде бы большая, неохватная, но, как выяснилось, улицам города дальше двигаться некуда — мешают горы, не дают расширяться угленосные пласты, залегающие окрест. В Кузбассе уже имеется печальный опыт поспешности и неумения глядеть вперед. Город Прокопьевск, наш сосед, был застроен спешно, без стратегических наметок, без глубокой геологической разведки, и за промах пришлось расплачиваться дорогой ценой — создавать жилые массивы на новом месте, потому что под домами лежал уголь. Ошибки такого масштаба не положено совершать дважды. Поэтому решено было строить город-спутник Новокузнецка на Ильинской площадке, которая нависает над Запсибом. В Ильинском районе (кстати, за его проект молодые архитекторы института «Кемеровогражданпроект» получили первую премию на всесоюзном смотре-конкурсе) будет жить 230 тысяч человек. Существенно расширятся Куйбышевский и

Орджоникидзевский районы. Намечены большие работы по благоустройству дворов и площадей, по реставрации памятников старины, в частности Кузнецкой крепости.

Вот коротко о будущем.

В годы первых пятилеток люди большого и малого ранга, высокие командиры от промышленности и рядовые строители, руководствовались одной непреложной истиной: это надо, это остро необходимо стране и социализму. Поэтому нет смысла, повторяю, задним числом предъявлять современные требования проектировщикам и ученым, архитекторам, наконец. В те поры даже дальновидные инженеры не задумывались вплотную о глобальных последствиях, о влиянии промышленности на природу, на ее механизмы, весьма, кстати, тонкие. «Даешь уголь!» «Даешь железо!» Такие лозунги стояли на повестке дня во весь рост. Лозунги эти имели непосредственное отношение к дилемме — быть нам или не быть. Все так. Но теперь вот пришла та самая пора задумываться: а что же дальше? Уже давно

течет посреди города золушка Аба, уже давно загрязнен воздух, порою выше всяких санитарных норм. Бассейн реки Томи стал предметом забот на самом высоком уровне. Настала пора не только брать, но и отдавать, чтобы прекрасная сибирская сторона сохранила для потомков чистую воду, густую тайгу и зверя, обитающего в ней. Потому-то еще 30 октября 1973 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по предотвращению загрязнения бассейна реки Томи неочищенными сточными водами и воздушного бассейна городов Кемерово и Новокузнецка промышленными выбросами». Выполнение серьезной и объемной программы сделает наш край цветущим и благоустроенным. Скоро ниже Новокузнецка разольется рукотворное море. Плотина возле села Крапивино приостановит Томь, поднимет ее и образует бассейн, задуманный для того, чтобы оздоровить окружающую среду — ведь огромное водное зеркало способно создать особый микроклимат, очистить воздух от пыли и вредных примесей.

...Люблю Новокузнецк вечерний. Он бывает усталым, как человек, и усталость та — умиротворяющая, пронизывающая, наверно, от сознания хорошо прожитого дня. Вечерний город не суетится, потому что впереди, завтра, опять работа.

Заезжих своих гостей я обязательно вожу к Аллее Героев. Это — улица-ансамбль, улица памяти о сибиряках, не пришедших с войны. Здесь горит вечный огонь, маршрутирует почетный караул, люди бросают в воду бассейна монеты, они падают на дно с загадочным и коротким мерцанием. Таков обычай, и никто не возьмется объяснить, почему он возник. На скамейках здесь подолгу сидят старики с батожками, на легковых из загса едут молодожены, чтобы оставить у огня цветы. Над городом зажигается, вздрагивает малиновое зарево — то на Кузнецком комбинате вываливают шлак. Отвал далеко, но всякий раз чудится, что запахло железной окалиной и коксом. С этими запахами мы свыклись.

Хожу по улицам и прикидываю, где бы

я поставил небоскреб из моего детства, а на небоскребе, как было задумано когда-то, должен обязательно стоять сталевар, задевая головой облака.

Перед ноябрьскими праздниками я видел в городе снегирей. Знающие люди сказали, что корма в тайге маловато, да и потом птица, она тянется к человеку, особенно в последнее время. Приятель жаловался на днях:

— Ты знаешь, бурундуки на даче хулиганят, сам видел. Крупу, понимаешь, поели. Никогда такого не бывало!

Это, наверно, знамение дней: зверь стал доверчивей и тяготеет к нам. Значит, не пропало втуне доброе слово о брате нашем меньшем, не прошли мимо сознания многочисленные призывы всеми возможными средствами защищать матушку-природу, относиться к ней сострадательно и нежно. Лед тронулся!

Светлеет помаленьку многострадальная Аба, поуменьшились черные хвосты над

заводскими трубами, в Томи прибавляются рыбы косяки.

Верю: мои внуки увидят, как лось, державно вскинув рога, выходит на зорьке пить из ручья, как с его мягких губ, подзолоченных солнцем, падают круглые капли воды, ударяясь о траву; мои внуки услышат, как за чащобой токует глухарь, как по весне заходится руладами сибирский соловей. Мои внуки будут ходить по грибы и лазать на кедр за шишками.

Верю!

Иначе зачем мы с вами живем?

Вот вам рассказ новокузнечанина о своем городе. Понимаю, я многое упустил, о многом не поведал, но ведь давно известно — необъятного не объять. Я лишь внес скромную лепту в нескончаемую повесть о своей земле.

До свидания, мой город! И — здравствуй, мой город! Мира тебе и процветания!

Геннадий Арсентьевич Емельянов
МОЙ ГОРОД

Редактор Н. П. Захарчук
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректор Е. А. Царева

ИБ № 1247

Сдано в набор 04.04.86. Подписано к печати
25.11.86. ОП 00117, Формат 70 x 90 1/16. Бумага
мелованная. Гарнитура Академическая. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 3,66. Усл. вр.-отт. 15,14.
Уч.-изд. л. 4,87. Тираж 10 000 экз. Заказ
№ 7228. Цена 2 р. 30 к.

Кемеровское книжное издательство.
Полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии
650059, г. Кемерово,
ул. Ноградская, 5.

2, 30,

2 р. 30 к.

**ЦБС им. Н. В. Гоголя
г. Новокузнецк**

13842100167461